М. Н. Покровский

ГЖ601
П 723

ЦАРСКАЯ РОССИЯ
И
ВОЙНА

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА—1924

ГЭЖ 601
П 723

ИНВЕНТАРИЗАЦИЯ
2008

М. Н. Покровский

ЦАРСКАЯ РОССИЯ
и
ВОЙНА

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ГЛАВПОЛИТПРОСВЕТ ◇ МОСКВА ◇ 1924

(1 экз.)

К. П 984
ИНВЕНТАРИЗАЦИЯ 2008

ГЖ601
П 723. Р

ИНСТИТУТ В. И. ЛЕНИНА
№
БИБЛИОТЕКА

179-1924

61213 У

Главлит № 26252. Тираж 10.000 экз.

Типография „Красный Пролетарий", Пименовская ул., д. 1/16.

ПРЕДИСЛОВИЕ.

Печатаемый текст был написан, как статья для сборника в память десятилетия мировой войны. Сборник не состоялся, и я, в виду того, что статья содержала в себе кое-какие новые факты и не встречавшиеся мне в литературе соображения по их поводу, решился опубликовать ее отдельной брошюркой. К тексту я прилагаю при этом главнейшие из документов, на которые брошюра опирается. Документы издаются в оригинале, со всеми номерами, датами и подписями, на том языке, на котором написаны. Переводить все, написанные на иностранных языках, мне представлялось излишним, так как в тексте многие из них даны уже в переводе или в очень подробном пересказе. Для обычного читателя этого было бы и достаточно. Но ученым, которые могут заинтересоваться темой, важно иметь подлинные документы. Ученые—народ недоверчивый...

Происхождение всех документов одно и то же,— они все взяты из бывшего «Секретного архива министра иностранных дел», ныне находящегося в Гос. Архиве РСФСР.

Один из них, меморандум великобританского посольства Сазонову от 12-го марта 1915 г. (наш№ XIII), был уже опубликован в переводе тогдашнего министерства иностр. дел в издании НКИД «Раздел Азиатской Турции» (М. 1924, стр. 125—127). В виду важности документа мы сочли все же нелишним дать оригинал.

М. П.

Царская Россия и война зимою 1914—1915 гг.

(К подготовке секретного соглашения о Константинополе и проливах).

В читающей публике очень распространено убеждение, будто, раз начались военные действия, дипломатам остается укладывать чемоданы и ехать в отпуск. Вместо „нот“ стороны начинают обмениваться артиллерийскими снарядами, и „внешние сношения“ отражаются только в реляциях о военных действиях.

Представление это свидетельствует лишь о наивности публики, воображающей, что дипломатическая бутафория, „ноты“, приемы послов и т. п.—это и есть настоящая „внешняя политика“, тогда как в действительности внешняя политика делается в стороне от нескромных глаз, в тиши дипломатических кабинетов. И в этих кабинетах гром орудий не только не заглушает обычной работы, а, наоборот, делает ее напряженной и энергичной, как никогда. Параллельно сражениям, о которых повествуют „реляции“ (по теперешнему „сводки“), всякая война дает длинную нить дипломатических шахматных ходов той и другой стороны, при чем шахматницей служат обыкновенно кабинеты нейтральных держав, а

если война ведется не отдельными странами, а союзами стран, то и кабинеты союзников.

Война 1914—18 гг. в этом отношении ничем не отличалась от других войн буржуазного мира. И у нее было две стороны: всем видная чисто-военная [1]) и никому не видная дипломатическая. История этой военной дипломатии, когда она будет написана, представит собою книгу ничуть не менее интересную, чем история стратегии и тактики империалистской войны. Нижеследующее изложение дает набросок только одной из глав этой книги, той главы, которую можно назвать „пред-историей соглашения о проливах в марте 1915 г." Набросок и в этой части, заранее признаемся, не полный, но кое-какие весьма любопытные шахматные ходы он все же намечает.

1-го августа перед царской дипломатией стояла задача, которая была, пожалуй, сложнее всего, что ей приходилось проделать, создавая войну [2]). Война велась из-за Константинополя и проливов, а Турция не воевала,—мало того: была опасность, что она сделается союзницей...

Чтобы оценить весь трагизм положения Сазонова, положения, отразившегося в нижепечатаемых—целиком впервые — телеграммах русского посла в Констан-

---

[1]) „Видная", впрочем, довольно условно, ибо, как известно, старого обычая помещать в газетах „реляции" держались только немцы, их противники ограничивались столь лаконическими „сводками", что понять, что делается на театре войны, было очень трудно.

[2]) См. статью пишущего эти строки в „Пролетарской Революции" № 7 (30): „Как началась война 1914 г."

тинополе, нужно вернуться на минуту к моменту „зачатия войны", к осени 1913 года. 23 ноября ст. стиля Сазонов представил Николаю записку [1]), где, впервые после неудачной попытки Извольского в 1908 г.[2]), вопрос о захвате проливов ставится официально и вполне практически. Охарактеризовав настроение, сложившееся у европейских кабинетов под впечатлением только-что разыгравшихся балканских войн, Сазонов продолжает: „В связи с таким настроением все великие державы без исключения учитывают уже теперь возможность окончательного распадения Оттоманской империи и задаются вопросом о заблаговременном обеспечении своих прав и интересов в различных областях Малой Азии, стремятся создать и упрочить основания политических притязаний в будущем дележе Оттоманской империи".

Для России „притязания" в первую голову заключались, конечно, в „ключах от собственного дома". „Сомнение в прочности и долговечности Турции связано для нас с постановкой исторического вопроса о проливах и оценкой всего значения их для нас с политической и экономической точек зрения".

Дальше дается характеристика значения „проливов" для России,—характеристика, настолько полно и откровенно рисующая вожделения российского империализма, что ее стоит привести целиком: „Согласно объяснительной записке министра финансов к проекту государственной росписи доходов и расходов на 1914 год, торговый баланс России в 1912 году был на 100 мил-

[1]) См. приложение № I.

[2]) См. „Три совещания" в „Вестнике Нар. Ком. Ин. Д.", № 1.

лионов менее в сравнении с средним активным сальдо за предыдущие три года. Причиной этого министерство признает недостаточно удовлетворительную реализацию урожая; затруднение в вывозе хлеба, помимо стихийных причин, произошло вследствие временного закрытия Дарданелл для торговых судов всех наций. В связи с этим весною последовало также повышение Государственным Банком учета на $^1/_2\%$ для трехмесячных векселей. Таким образом, временное закрытие проливов отразилось на всей экономической жизни страны, лишний раз подчеркивая все первостепенное для нас значение этого вопроса. Если теперь осложнения в Турции отражаются многомиллионными потерями для России, хотя нам удавалось добиваться сокращения времени закрытия проливов до сравнительно незначительных пределов, то что же будет, когда вместо Турции проливами будет обладать государство, способное оказать сопротивление требованиям России? И для этого не нужно, чтобы государство, владеющее проливами, обладало само по себе силою великой державы. Оно неизбежно приобретет эту силу, обосновавшись на проливах, из-за исключительных географических условий. В самом деле, тот, кто завладеет проливами, получит в свои руки не только ключи морей Черного и Средиземного, он будет иметь ключи для поступательного движения в Малую Азию и для гегемонии на Балканах. Вследствие этого государство, заменившее Турцию на берегах проливов, по всем вероятиям будет стремиться пойти по дорогам, проторенным в былое время турками.

Выше указано было на недопустимость для нас такого рода чуждого завладения проливами с экономической точки зрения. Но не представляется ли это столь же мало допустимым и с точки зрения политической? Не создают ли указанные выше тенденции к гегемонии на Балканах и проникновению в Малую Азию неизбежность резкого антагонизма между всяким новым государством, которое стало бы на место Турции, и Россией?....."

Даже в секретных записках царю—официальных—приходилось выдерживать „оборонческий" стиль и говоритъ о „другой державе, которая могла бы и т. д.", тогда как по существу дела все выгоды от „поступательного движения на Малую Азию и для гегемонии на Балканах" оставались на своем месте, если бы проливами владела Россия. И для нее они оставались бы „ключами морей Черного и Средиземного", со всеми остальными последствиями. „Другая держава" была фиговым листком, наклеенным на вожделения царской России, что со всею очевидностью следует из маленького исторического обозрения, следующего немного дальше: „Уже тридцать лет прошло с того времени, когда державною волею покойного императора Александра III возродился черноморский флот. Около 60 лет прошло со времени появления торгового пароходного движения на Черном море. Оба начинания связаны были с мыслью о мощи России, о возможном утверждении наших интересов на проливах. Сотни миллионов были истрачены на это дело, равно как и на содержание войск Одесского военного округа, призванных к совместным с нашим флотом операциям. Как известно,

еще в 1895 году в связи с армянскими избиениями был поставлен вопрос о временном занятии Константинополя нашими войсками с ведома и согласия наиболее опасного из возможных в то время для нас соперников—Англии. От плана этого пришлось отказаться по недостатку транспортных средств и несовершенству сухопутной мобилизации".

Николаю оставалось только итти по стопам своего родителя и осуществить мечту своей юности. Тем более,—тут опять начинала звучать грустная оборонческая флейта,—что коварная Турция явно хлопочет об увеличении своих морских сил. Очевидно, что проекты Извольского и подготовка русского десанта во время первой балканской войны (о чем тут же упоминает Сазонов) не остались совершенно втайне. Турки заказывали за границей все новые и новые броненосцы, и приходилось „притти к заключению, что в период 1914—1916 годов турецкий военный флот будет иметь преобладание над нашим в Черном море по качеству своих судов и силе их артиллерии". „Россия не может ни допустить в настоящее время морского превосходства Турции в Черном море, ни в будущем остаться безучастной к решению вопроса о проливах. Поручиться за то, что вопрос этот не будет поставлен в недалеком будущем, мы не можем. Следовательно, государственная предусмотрительность требует от нас внимательной подготовки к выступлению, которое может потребоваться. Указанная подготовка не может не носить характера всесторонней планомерной программы с привлечением к работе различных ведомств".

А раз дело дошло уже до столь делового пункта, как

„всесторонняя планомерная программа“, оборонческие украшения можно было снять. „Указанные вопросы ставят на очередь обсуждение следующих конкретных мероприятий: 1) по ускорению мобилизации достаточно численного десантного корпуса; 2) по оборудованию потребных для сего путей сообщения; 3) по приведению черноморского флота в положение, при коем он превосходил бы силы оттоманского флота и мог бы совместно с армией выполнить задачу прорыва через проливы для их временного или постоянного занятия, если это потребуется; 4) по увеличению наших транспортных средств до размеров, отвечающих потребностям десантной операции“. Для этой цели Сазонов и предлагал созвать то совещание, протокол которого целиком напечатан в упоминавшейся выше статье „Вестника Нар. Ком. Ин. Дел“. Но он отчетливо видел, что операция в проливах никоим образом не могла бы остаться изолированным действием, с глазу на глаз между Россией и Турцией: „Повторяя высказанное вначале пожелание о возможно более длительном поддержании status quo, приходится также снова повторить, что вопрос о проливах едва ли может выдвинуться иначе, как в обстановке общеевропейских осложнений“.

И вот долгожданное „общееевропейское осложнение“ было налицо, а до проливов было все так же далеко... Между тем, в них была вся суть дела. Без участия в войне Турции, и притом п р о т и в России, игра не стоила свеч. Можно себе представить настроение Сазонова, когда он получил от российского посла в Константинополе Гирса такую телеграмму:

„23 июля/5 августа 1914 года. № 628. Срочно. Прошу срочных указаний. По моему поручению генерал Леонтьев [1]) посетил сегодня Энвера-пашу, который заявил ему, что мобилизация отнюдь не направлена против России, что если это будет отвечать интересам России и может успокоить ее со стороны кавказской границы, то она (Турция) согласна взять оттуда часть войск из 9-го и 11 го корпусов. Далее он заявил, что Турция сейчас ни с кем не связана и будет действовать сообразно с своими интересами. Если бы Россия пожелала обратить внимание на турецкую армию и использовать ее для своих целей, то он такую комбинацию считает возможной. Эта армия могла бы быть использована Россией как для нейтрализации армии того или иного балканского государства, которое намеревалось бы выступить против России, так и для содействия армиям балканских государств против Австрии, если бы России удалось примирить балканские государства между собой и с Турцией на условиях взаимных уступок. На вопрос генерала Леонтьева, какие именно могли бы быть эти уступки, Энвер ответил, что они могли бы выразиться для Турции в Эгейских островах и в области Западной Фракии, при чем Греция могла бы получить компенсацию в Эпире, Болгария в Македонии, Сербия в Боснии и Герцеговине. На ряд сомнений, выраженных генералом Леонтьевым, Энвер ответил утверждением, что он убежден в возможности такой комбинации с турецкой стороны. К ней с радостью примкнут и правительство, и турецкий народ, раз только будут знать, что она

---

1) Русский военный агент в Константинополе.

может принести реальные результаты. Генерал Леонтьев просит передать копию этой телеграммы в военное министерство. (Подп.) Гирс".

В „Петрограде" желали получить турецкую столицу, а им предлагали турецкую армию! Но захватить столицу своего союзника, этого даже империалистский кодекс войны не допускал. На первый случай надеялись взять опасное предприятие измором. На телеграмму Гирса Сазонов отвечал: „Считали бы желательным, чтобы генерал Леонтьев продолжал объяснения с Энвер-беем в благожелательном смысле, хотя бы для известного выигрыша времени, избегая каких-либо связывающих заявлений". (Телеграмма № 1705, от 24 июля/6 августа). Но Энвер был упрямый турок, а Гирс—несколько туповатый дипломатический чиновник, все рассматривавший с высоты своей константинопольской колокольни. Через три дня Сазонов получил от него новую телеграмму, ничуть не более успокоительную.

„Срочная. Прошу срочных распоряжений. Согласно данному поручению телеграммой № 1705, генерал Леонтьев сегодня снова посетил Энвера. Военный министр заявил, что он стоит на прежней точке зрения, т.-е. за союз с Россией. Он не скрыл, что может встретить сильную оппозицию в правящих кругах, но надеется ее побороть, тем более, что армия в его руках. Вопреки существующему мнению, Турция еще не связана с тройственным союзом; он знает, что на правительство оказывается сильнейшее давление со стороны немецкого и австрийского (послов). Последние дни начали формулировать свои предложения и болгары, но он убежден, что при конкретной постановке вопроса

восторжествуют национальные оттоманские интересы. Военный министр ставит вопрос ясно и коротко: турки убирают с кавказской границы все, что у них есть, с целью дать русским полную гарантию своих добрых намерений и возвратить с Кавказа большую часть войск на западную границу. Вместе с тем, они собирают в ближайший срок сильную армию во Фракии и ставят ее в наше распоряжение с готовностью двинуть ее против любого из балканских государств, в том числе против Болгарии, или совместно с ними против Австрии. В день, когда будет установлено соглашение, он обязуется удалить с турецкой службы всех немецких офицеров. В заключение Энвер-паша ставит условие: возвращение Турции Западной Фракии и Эгейских островов и заключение с Россией оборонительного союза на срок от 5 до 10 лет, дабы Турция могла быть обеспечена от мести своих соседей на Балканском полуострове. Энвер-паша все время говорил в спокойном и доброжелательном тоне и с большой искренностью, совершенно правильно нарисовав генералу Леонтьеву картину общего политического положения с точки зрения турецких интересов. Вызванный Леонтьевым, он ответил, что он отлично понимает, что Турции и Болгарии придется считаться с ненавистью немцев, но, как он выразился, это обстоятельство не испугает, ибо даже в случае победы немцев им трудно будет причинить ей серьезный вред, так как у них нет общих границ, и он по примеру войны в Ливии знает, какое противодействие может быть организовано против морской экспедиции. Генерал Леонтьев вынес убеждение, что дело может быть сделано, если только решение будет

принято немедленно. Вся сила теперь в руках Энвера, тем более, что он только-что назначен главнокомандующим. Генерал Леонтьев, не имея времени шифровать, просит копию этой телеграммы передать в военное министерство. (Подп.) Гирс". (Телеграмма от 27 июля/9 августа).

Приходилось ставить все точки над и, чтобы даже Гирс понял. „Пока не получим ответа из Софии,—телеграфировал Сазонов (№ 1779, от 28 июля/10 августа),—имейте в виду необходимость в переговорах с Энвером выигрыша времени. Имейте в виду, что действий Турции непосредственно против нас мы не опасаемся".

Последние (подчеркнутые мною. М. П.) строки самому тупому человеку должны были дать понять, что турецкая армия „Петрограду" отнюдь не нужна, а войну с Турцией там вовсе не рассматривают, как особое бедствие. Но Гирс и тут ухитрился не понять, чего желает начальство, и продолжал сыпать предложениями турецкого союза, как горохом. За двое суток, 9—10 августа по нов. стилю, Сазонов получил от него одну за другою три телеграммы. Первая гласила: „Я видел великого визиря, который теперь вполне в курсе объяснений Энвера с генералом Леонтьевым и, повидимому, сочувствует им, хотя официально стоит на почве сохранения полного нейтралитета Турцией, не соглашаясь, что присутствие германских офицеров нарушает этот нейтралитет. Наше свидание происходило до последней поездки генерала Леонтьева к Энверу, так что я мог сказать великому визирю, что буду ожидать этих объяснений, чтобы по их поводу выслушать и его

отзыв". Вторая: „Прошу срочных указаний. Ссылаюсь на телеграмму 650. Почитаю долгом высказать, что нам надлежит немедленно принять предложение Энвера, не входя ни с кем в какие-либо предварительные объяснения, так как время не терпит. Если победа останется за нами, мы всегда сумеем вознаградить и Болгарию, и Грецию. Между тем, наш отказ несомненно и бесповоротно бросит Турцию в объятия наших врагов. Если даже Энвер не вполне искренен, наше согласие выяснит положение, которое в настоящем обостренном фазисе не может не привести к кризису и разрыву".

На другой день пошла третья телеграмма, самая категорическая.

„Срочная. Прошу срочных распоряжений. Ссылаюсь на № 1769. Чтобы не вышло недоразумения и чтобы из-за него не было задержки в заключении соглашения, столь важного в политическом отношении в смысле приобретения, может-быть, исключительного влияния на Балканском полуострове, почитаю долгом сказать, что вопрос об отводе 9-го и 11-го корпусов выставлен самим Энвером в виде гарантии искренности Турции и сам по себе является побочным. Смею думать, что он мог бы быть решен, как, впрочем, и все остальные вопросы, касающиеся организации и действий турецкой армии, в полном соответствии с указаниями августейшего верховного главнокомандующего. Цель, к которой нам необходимо стремиться, заключается в совершенном устранении навсегда враждебного нам господства Германии в Турции. К достижению этой цели представляется теперь крайне благоприятный случай.

Если мы его выпустим, то бесповоротно бросим Турцию в объятия Германии, которая, даже ослабленная и побежденная, все же будет весьма враждебна нам на Ближнем Востоке. На сегодняшнем дипломатическом приеме великий визирь доверительно высказал мне, что он сочувствует стремлению Энвера сблизиться с нами и готов оказать свое полное содействие быстрому заключению соглашения. Я заметил ему, что лично вполне сочувствую соглашению России с Турцией, но что оценка способа для условий его достижения зависит исключительно от императорского правительства. Я глубоко убежден, что настал исторический момент, когда мы имеем возможность окончательно подчинить себе Турцию и через нее парализовать готовящиеся выступить против нас враждебные нам силы на Балканском полуострове".

Но в „Петрограде" Турция нужна была вовсе не в роли союзницы, хотя бы самой смирной и послушной. Там вообще нужна была не Турция, а Константинополь, а лучшим предлогом его занять была бы война с Турцией. А для этой войны в руках Сазонова был уже великолепный предлог: два германских военных судна, „Гебен" и „Бреслау", пришли в Дарданеллы и не были турками разоружены. Это было посерьезнее пребывания в турецкой армии германских инструкторов, к чему до сих пор привязывался Сазонов. Последний чувствовал теперь под ногами твердую почву, и Гирс не получил ни срочных, ни каких бы то ни было указаний по поднятому им вопросу. Вся дальнейшая переписка российского министерства иностранных дел с российским посольством в Константинополе посвя-

щена „Гебену“ и „Бреслау“. А через пару недель турко-германское соглашение стало совершившимся фактом: „опасность“ русско-турецкого союза, который мог бы испортить всю игру, была устранена.

Как видит читатель, диалектика истории принимает иногда самые неожиданные формы, и в русско-германской войне мог быть момент, когда российский министр иностранных дел готов был приветствовать германский броненосец, как своего избавителя. Кстати, приведенная переписка [1]) вскрывает нам и секрет несколько неожиданного появления „Гебена“ в турецких водах. О борьбе партий в турецком министерстве — за союз с Россией и за союз с Германией — было, разумеется, известно и в германском посольстве. Надо было подкрепить анти-энверовскую сторону и дать перевес немецкой партии. Что это было одновременно выигрышем и для Сазонова,—для немцев было безразлично, ибо, конечно, в центре их внимания стояли не русские вожделения к проливам (им Вильгельм, при известных условиях, не прочь был даже пойти навстречу), а соперничество из-за Турции с Англией. Русско-турецкий союз отдавал в английские руки Багдадскую дорогу—стратегический подступ к Египту и к Индии. Этого несчастия, с немецкой точки зрения, следовало избежать во всяком случае. Появление „Гебена“ и „Бреслау“ бросило гирю на весы в тот самый момент, когда „русская“ чашка начала быстро перетягивать. А что этому делу помог и Сазонов,—это была уже добавочная насмешка истории.

---

[1]) Не вся,—я взял лишь важнейшие телеграммы Гирса.

Но если инцидент с „Гебеном“ „спас“ Россию от опасности турецкого союза (и от возможности иметь на один фронт меньше), его оказалось недостаточно, чтобы втянуть Турцию в войну. Чашки весов только уравновесились с легким наклоном в германскую сторону. Шел сентябрь, а Турция все продолжала держать нейтралитет, правда, теперь явно дружественный Германии. И вдруг начала обрисовываться новая опасность,—что война кончится вообще без участия Турции. Как же тогда быть с „ключами от собственного дома“?

11-го сентября [1]) российский посол в Вашингтоне Бахметев известил свое начальство, что посол германский, Бернсторф, был у Брайана—американского министра иностранных дел в те дни—предлагая, чтобы президент Соединенных Штатов Вильсон взял на себя, по примеру Рузвельта во время русско-японской войны, посредничество для начала мирных переговоров между Антантой и Германией с ее союзниками. Свидание было настолько секретное, что даже американская печать ничего о нем не пронюхала [2]). Но воюющие державы были уже посвящены в дело, и в Вашингтоне имелся даже ответ Франции, звучавший весьма подозрительно: „в принципе желательно было бы прекратить войну, но это возможно только, если условия удовлетворительны и гарантии достаточны“. Еще более было подозрительно, что своим союзникам французское правительство этого своего ответа не сообщило, а, наоборот, рассказывало, что оно „отклонило предложе-

[1]) Дальше мы берем все числа по новому стилю.
[2]) См. приложение II.

ние“ (телеграмма Крупенского из Рима от того же числа) [1]).

Все это было настолько мало удовлетворительно, что „старшина“ Антанты, каковым тогда была Англия, решил вмешаться в дело, притом достаточно торжественным образом и в тоне, весьма категорическом. 19-го сентября король Георг V призвал к себе русского посла в Лондоне Бенкендорфа и высказал ему свое, английского короля, решительное мнение [2]), что „никакой мир невозможен, пока события не позволят навязать (d'imposer, — Бенкендорф, в качестве дипломата классической старой школы, всегда писал свои депеши по-французски) Германии такой мир, который бы закрепил окончательный разгром ее военной гегемонии“. „Король мне сказал, — продолжает Бенкендорф,—что его мнение на случай косвенных попыток Америки было бы оставить американские предложения безо всякого ответа, игнорируя их совершенно. Король думает, что союзным правительствам нет никакой надобности даже совещаться (на этот счет): если бы союзные правительства вошли между собою в переговоры, это очень быстро стало бы известно в Берлине и рассматривалось бы там, как признак нерешительности и слабости. Король мне сказал, что он хотел совершенно конфиденциально сообщить мне его личное мнение по этому поводу“. Но очевидно, что „совершенно конфиденциальное“ сообщение имело только физическим слушателем Бенкендорфа, а по существу было обращено к

---

[1]) См. приложение III.
[2]) См. приложение IV.

Николаю II. Совершенно естественно, что ответил Георгу V именно последний, и ответил в самом успокоительном духе. Бенкендорфу было сообщено, что на его депеше Николай написал [1]): „Всецело разделяю каждую мысль короля. Прошу графа Бенкендорфа категорически заверить его величество, что, несмотря ни на какие препятствия или потери, Россия будет бороться с ее противниками до конца“ (последние слова подчеркнуты Николаем).

Франция была, таким образом, изолирована в своей слабости (довольно простительной,—Николай еще прочно сидел в Питере, а Георг V в Лондоне, тогда как французское правительство только-что должно было весьма поспешно переехать из Парижа в Бордо), и опасность „преждевременного“ прекращения кровопролития была устранена. Окончательно выяснившийся к этому времени неуспех немцев на западном фронте обещал сделать положение достаточно устойчивым. Но в российском министерстве иностранных дел этот маленький инцидент заставил задуматься,—тем более, что в руках этого министерства была перехваченная русским телеграфом депеша Делькассе [2]) к Палеологу [3]), из которой видно было, что англичане, несмотря на торжественные заявления короля, все же выслушивают американские предложения [4]). Нежелание обсуждать последние со своими союзниками могло иметь и оборотную сторону... Правда, все это были лишь отдален-

[1]) См. приложение V и VI.
[2]) Французский министр иностранных дел.
[3]) французский посол в России.
[4]) См. приложение VII.

ные возможности,—от личного свидания с Бернсторфом английский посол в Вашингтоне уклонился. Но дипломаты на то и существуют, чтобы учитывать даже и отдаленные возможности. Совершенно ясно было, что мир так или иначе мог быть заключен раньше, чем „исторические задачи" царской России будут разрешены. Надо было принять меры.

Случайно или нет, но на другой же день после того, как на телеграфе была перехвачена депеша Делькассе (удостоившаяся собственноручной отметки Николая), Палеолога пожелал видеть министр земледелия Кривошеин,—тот самый, что потом был у Врангеля и недавно умер. „По своему личному авторитету и доверию к нему императора, он—настоящий председатель совета министров", — аттестует его Палеолог в своей депеше Делькассе об этом свидании [1]) (тоже перехваченной и потому сохранившейся в архивах русского министерства иностранных дел). Номинальный председатель совета Горемыкин был, как известно, соломенным чучелом на председательском кресле.

Кривошеин пришел, конечно, к Палеологу, как частный человек, — просто в гости. Разговор был такого свойства, что официально его вести было трудно, как сейчас увидим. „Военные действия, — говорил Кривошеин, — могут длиться еще долго, но может случиться, что по причинам, не относящимся к стратегии, они могут окончиться и довольно скоро. Правительства тройственного согласия не должны допустить, чтобы мирные предложения застали их врасплох; нужно, не теряя

---

1) См. приложение IX.

слишком много времени, фиксировать общие пожелания".

Таков был первый пункт,—точнее, введение к беседе. Второй пункт не был новостью для Палеолога, ибо он повторял лишь то, что французский посол слышал уже десять дней назад от Сазонова. Но так как читатель этого не слыхал, то нужно на минуту вернуться к другой, тоже перехваченной депеше Палеолога от 14-го сентября [1]).

В этот день Палеолог тоже имел весьма содержательную беседу,—но не с Кривошеиным, а с Сазоновым. Беседа происходила, как видно из сопоставления дат, тотчас же, как только в Петербурге стало известно об американском предложении и о мягкотелости, обнаруженной французами. Соответственно обстановке, Сазонов и беседовал с Палеологом не с глазу на глаз, а в присутствии Бьюкенена, английского посла. Последнее заставляет рассматривать сазоновские предложения, как согласованные с англичанами и тем более интересные. Дальше дается в переводе текст основной части перехваченной депеши.

„Г. Сазонов нам сообщил в общих чертах, как он понимает те изменения карты Европы, которые были бы в интересах трех союзников (т.-е. Англии, России и Франции).

1. Главная цель союзников — сломить могущество Германии и ее претензии на господство военное и политическое.

2. Территориальные изменения должны определяться принципом национальностей.

---

1) См. приложение VIII.

3. Россия присоединяет к себе нижнее течение Немана и восточную часть Галиции, а к Царству Польскому она присоединяет восточную Познань, Силезию и западную часть Галиции.

4. Франция получает обратно Эльзас-Лотарингию, прибавив к ней какую хочет (à sa guise) часть рейнской Пруссии и Палатината.

5. Бельгия получит существенное расширение своей территории.

6. Шлезвиг-Голштиния возвращается Дании.

7. Восстанавливается Ганноверское королевство.

8. Австрия превращается в тройственную монархию из Австрийской империи, королевства Богемского и королевства Венгерского. Австрийская империя охватит исключительно „наследственные провинции". Богемское королевство включит в себя собственно Богемию, Моравию и Словакию. Венгерское королевство должно будет столковаться с Румынией по поводу Трансильвании.

9. Сербия присоединит к себе Боснию, Герцеговину Далмацию и северную Албанию.

10. Болгария получит от Сербии вознаграждение в Македонии.

11. Греция присоединит к себе юг Албании, за исключением Валоны, которая отойдет к Италии.

12. Англия, Франция и Япония разделят между собою германские колонии.

13. Германия и Австрия заплатят военную контрибуцию.

Г. Сазонов очень просил сэра Д. Бьюкенена и меня не придавать никакого официального значения этому „эскизу картины, полотно которой еще не вытканo". Но

несколько слов, которые он мне шепнул в сторонке, дали мне понять, что он очень желает теперь же познакомить нас со своими идеями, и что он более чем когда-либо ценит тесный контакт с нами".

Я нарочно не прерывал этого очаровательного рассказа никакими собственными замечаниями, как ни просились они под перо В самом деле, разве не великолепен этот вывод из „принципа национальностей", что России следует отдать прусскую Литву? Разве не очаровательно это празднование буквально и на Антона, и на Онуфрия: Литву беру себе, как император всероссийский, а Познань и Западную Галицию как „царь польский"? И не один ли восторг этот, опять-таки во имя „принципа национальностей", раздел Германии—столь наглый, что его убоялся даже Версаль после полного разгрома империи Вильгельма? Вполне очевидно, что Сазонов не менее английского короля боялся мира и потому манил французов такими перспективами, на осуществление которых в сентябре 1914 г. не могло быть никаких разумных надежд. И вполне очевидно также, что при Бьюкенене он чего-то не договаривал, и что с Палеологом предполагался какой-то еще более конфиденциальный разговор. Вести этот разговор и пришел 25-го сентября Кривошеин.

Нарисовав еще раз приятные для французов перспективы совершенного исчезновения Германии с карты Европы (что бы от нее осталось, осуществись на деле пожелания Сазонова?), Кривошеин перешел к самому деликатному пункту разговора,—к тому, что Бьюкенену пока не полагалось слышать.

„3. По поводу проливов г. Кривошеин думает, что

они должны быть свободны, что турки должны уйти в Азию, и что Константинополь должен сделаться нейтральным городом, управляемым на таких же условиях, как Танжер [1]).

„Я выслушал г. Кривошеина, не высказывая своего мнения, за исключением вопроса о Константинополе. „Это, сказал я, — вопрос, который вызовет сильные возражения со стороны Англии".

„Г. Кривошеин спросил меня, знаю ли я что-нибудь о ваших (Делькассе) намерениях. Я ответил, что я их совершенно не знаю. В свою очередь, я его спросил, имел ли он случай изложить свои мысли императору. „Да, вчера (!), — ответил он, — но я вас уверяю, что это всецело мои личные мысли".

Тут сейчас же и обнаружилось, какого плохого дипломата держала Франция в Петербурге в эти решительные дни. Весь смысл визита Кривошеина заключался в том, чтобы столковаться с Францией о Константинополе за спиной англичан. А Палеолог на другой же день, при Сазонове, рассказал обо всем Бьюкенену. Сазонову ничего не оставалось, как сделать „хорошую мину при плохой игре", выдав попутно Кривошеина, с которым он, будто бы, „не вполне согласен". „Но я думаю, как и он, что при заключении мира мы должны раз навсегда обеспечить себе свободный проход через проливы".

„Он продолжал очень твердым тоном: „Турки должны остаться в Константинополе и в окрестностях. Что касается свободы проливов, она должна быть нам гаран-

---

1) В Марокко. Состоит под международным протекторатом.

тирована под тремя условиями: 1) что на берегах Дарданелл не могут воздвигаться никакие укрепления; 2) что полиция в Дарданеллах и Мраморном море должна быть поручена особой комиссии, имеющей в распоряжении морскую силу; 3) что Россия получит морскую стоянку у входа в Босфор, например, в Буюкдере. Этот вопрос имеет для нас жизненный интерес. Откладывать его решение более невозможно".

„Сэр Д. Бьюкенен и я, мы оба вынесли впечатление, что, говоря таким образом, г. Сазонов сообщил нам не простой проект, но решение".

Предвидя конец „дела", на которое его наняли, мавр требовал гарантии, что ему заплатят. И так как упрямая Турция все еще не хотела воевать, приходилось ставить ультиматум французам и англичанам. Как там хочешь, а проливы подай! Неизвестно, как справились бы союзники Николая II с деликатной задачей раздела не участвовавшего в войне государства, если бы на помощь не пришли немцы,—те самые милые немцы, которые уже спасли однажды Сазонова от опасности русско-турецкого союза. Преследуя, как мы видели, свои собственные задачи и не смущаясь минутными совпадениями своих путей с путями русского царизма, к концу октября они убедили Турцию вступить в войну. Вопрос сразу упростился чрезвычайно.

С 29 октября 1914 года Турция воевала, формальных затруднений к тому, чтобы официально поднять вопрос о проливах, более не было. Но после провала первой попытки в Петербурге колебались. А когда колебания прекратились, новому выступлению была придана столь торжественная форма, что дорогим союзни-

кам не было никакой возможности увернуться от ответа, как это было в первый раз. Инициативу разговора взял на себя сам Николай.

В середине ноября в петербургских салонах большой шум производил Витте. „Со спокойной и высокомерной дерзостью“, изумлявшей союзных послов, он всюду проповедывал необходимость „ликвидировать эту нелепую авантюру“, каковое бесцеремонное название прилагалось им к „великой войне“ или, по крайней мере, к участию в ней России. То, что Витте за такие речи не арестовывали и не высылали, приводило союзную дипломатию в большое смущение. Не воскресает ли фавор Витте? Раз, ведь, уже он из немилости и опалы отправился вершить судьбы внешней русской политики в Портсмуте. Не возвращаются ли дни Портсмута снова? Безнаказанная „дерзость“ Витте так смущала Палеолога, что он попросил объяснения у Сазонова. Объяснения он не получил, что, конечно, еще усилило его беспокойство, но несколько дней спустя, он получил приглашение прибыть в Царское Село, где безвыездно лето и зиму жили Николай и Александра Федоровна.

Союзные послы отнюдь не были постоянными гостями в романовской берлоге. Палеолог не видал царя с первых дней войны. Даже в его дневнике, опубликованном, а фактически, вероятно, и написанном, уже в те дни, когда романовская империя давно была на том свете, чувствуется, до чего необыкновенным и заманчивым эпизодом была для французского посла эта „интимная“ беседа с Николаем. Еще курьезнее это отражается в переписке нейтральных и союзных дипло-

матов, каждому из которых Палеолог поспешил сообщить „на-ушко“ об оказанной ему чести. Об этом писали и японцы, и итальянцы, и болгары,—это только, считая те телеграммы, которые сочло нужным перехватить и расшифровать русское министерство иностранных дел. Сам Палеолог передал „историческую беседу“ с ним царя в четырех особо зашифрованных и сверх-секретных телеграммах Делькассе, в первой же из которых тщательно отмечено, что разговор продолжался час с четвертью.

Так как версия Палеолога изложена весьма близко к его телеграммам в напечатанных им мемуарах, переведенных по-русски, то излагать ее подробно не имеет смысла. Да Николай и не сказал ему ничего существенно нового. Он рабски повторил 21-го ноября сентябрьские разговоры двух своих министров, Сазонова и Кривошеина, иногда буквально почти теми же словами (Палеолог не сообщает, не было ли у него перед глазами шпаргалки), только изменив порядок: те сначала говорили о разделе Германии и Австрии, а потом о Константинополе и проливах, Николай шел обратным путем. Интереснее поэтому на основании сохраненных третьими лицами следов „нескромности“ болтливого дипломата восстановить намеренно или нечаянно опущенные им подробности (характерно, что о беседе с Сазоновым 14-го сентября он в своих мемуарах не говорит ни слова, а о разговоре с Кривошеиным 25-го сентября только упоминает, не излагая подробно его содержания).

По японскому пересказу, Николай начал прямо со ссылки на „некоторых лиц“, которые „недавно“ утвер-

ждали, что Россия в настоящее время желает мира". Это было прямое использование разговоров Витте, под впечатлением которых Палеолог ехал в Царское Село. На этом фоне категорическое заявление Николая, что он будет воевать „до конца", должно было особенно сильно подействовать. Болгарская версия, помимо того, что дает в очень развернутом виде беглое замечание Николая в „Мемуарах": „Болгария, если будет вести себя благоразумно, получит вознаграждение от Сербии в Македонии" (в телеграмме Маджарова Радославову это превращено в целую программу, с тремя возможными исходами, в зависимости от поведения Болгарии), помимо этого сообщает, что Николай был „в удрученном состоянии духа". Это „удрученное состояние" должно было лишний раз напомнить французскому послу, что, как Николай ни „тверд", терпению его есть все же предел.

Хотя Палеолог на другой день после беседы с бодростью говорил японцу, что по поводу проливов „нет надобности опасаться затруднений между Россией и Англией", беседа Николая, на первый взгляд, подействовала немногим больше, чем разговоры двух министров в сентябре. Все, чего Николай мог добиться при содействии Франции, это, что Бьюкенен „в ноябре получил инструкции известить русское правительство, что в случае нашей победы над Германией судьба Константинополя и проливов будет решаться в соответствии с нуждами России" (!). Сам английский посол должен был признать, что это сообщение „в силу своей неопределенности ненадолго удовлетворило русское

правительство“ [1]). Чтобы услыхать в устах англичан язык, более членораздельный, нежели изречения дельфийской пифии, пришлось пустить в ход средства, более энергические, чем старческая болтовня Витте.

На помощь пришли опять немцы. На протяжении этого маленького исследования комбинации Сазонов—Германия не суждено нас оставлять ни на одном этапе. В середине декабря на всех дипломатических перекрестках вдруг снова поднялись разговоры о мире. Уже 6-го об этом телеграфировал Берхтольду [2]) Паллавичини, австрийский посол в Константинополе, со слов своего германского коллеги Вангенгейма: на сцене опять было посредничество Вильсона. Как Паллавичини узнал потом уже непосредственно от американцев, переговоры на этот счет возобновились еще в ноябре, но от Австрии их первое время скрывали. Не имея под руками австрийских документов, трудно судить, по соглашению ли с Германией, или в отместку за ее сепаратное выступление, но Австрия, со своей стороны, начала принимать аналогичные шаги. От половины декабря мы имеем категорическое заявление о мире, который Австрия предлагала Сербии: об этом телеграфировал Сазонову от 3/16-го декабря Бенкендорф из Лондона, со слов тамошнего сербского представителя, как о вещи общеизвестной, а телеграмма Соннино [3]) Карлотти [4]) от 10/XII прямо так и озаглавлена была: „Австро-сербский мир“ (pace austro-serbo).

---

[1]) Дж. Бьюкенен, „Мемуары дипломата“, стр. 130, русск. изд.
[2]) Австрийский министр иностранных дел.
[3]) Итальянский министр иностранных дел.
[4]) Итальянский посол в России.

Но „австро-сербский мир“ логически ставил вопрос об „австро-русском мире“, ибо формально причиной разрыва Австрии с Россией была именно австро-сербская война. По существу мы знаем, что проект раздела Австро-Венгрии существовал в Петербурге задолго до австрийского ультиматума Сербии и даже ранее, чем явился повод для такого ультиматума [1]) Но правительству Николая II могло быть выгодно иной раз и позабыть об этом существе дела. Австрия хочет мириться,— отчего же с ней и не поговорить?

И вот от 4-го января мы имеем депешу второстепенного нейтрального дипломата, греческого посланника в Петербурге Драгумиса, Венизелосу, — депешу [2]), которую приходится привести целиком в переводе (оригинал на французском языке). Она тоже была перехвачена, разумеется, царским телеграфом.

„Я узнал, что председатель совета министров ездил в ставку, где находился и император. Сербский посланник сообщает, что, по сведениям из главного штаба, целью свидания (Горемыкина и Николая. М. П.) было обсуждение вопроса об отдельном мире с Австрией. Условия русского правительства следующие: Россия получает Галицию, Сербия—Боснию, Богемия становится автономной. С другой стороны мне сообщают, что Германия и Австрия, чтобы спасти прежде всего свои собственные территории, склонны признать за Россией право на проливы. Сербский посланник полу-

[1]) См. статью: „Как началась война 1914 года?“ в „Пролетарской Революции“.

[2]) См. приложение XI.

чил приказание ходатайствовать перед русским правительством о движении русских войск в Венгрию".

По существу дела совершенно безразлично, имел ли место факт австро-русских переговоров в декабре—январе 1914—1915 гг., или нет. Два обстоятельства указывают на то, что психологически это было вполне возможно. Во-первых, эта мысль встречается в мемуарах Палеолога под 1-м января, при чем инициативу автор мемуаров приписывает себе, за что будто бы он получил нагоняй от Делькассе (запись под 9-м января). Надо иметь в виду, что к Палеологу относились в русском министерстве иностранных дел, как к фигуре комической, и поэтому чрезвычайно мало правдоподобно, чтобы Сазонов предпринял какие-нибудь практические шаги на основании его, Палеолога, указаний. В то же время мы имеем телеграмму [1]) уже самого Сазонова Извольскому [2]) почти на две недели старше записи Палеолога (от 6/19-го декабря 1914 г.), где мы читаем: „Сюда также доходят слухи о возможной попытке Австрии заключить отдельный мир, но пока эти слухи еще весьма неопределенны и их подтверждение представляется гадательным. Во всяком случае, почин подобных перего оров должен принадлежать Австрии, и нам необходимо будет выслушать ее предложения, прежде чем установить наши условия".

О принципиальном отказе от переговоров, как видим, здесь нет и речи. А стремление Палеолога приписать инициативу себе, мотивируя притом стремление к австро-

---

[1]) См. приложение X.

[2]) Русский посол в Париже.

русскому миру интересами Франции, кажется, всего правильнее будет рассматривать, как признак, что переговоры имели место, и не без ведома французов. Участие последних нам станет вполне понятно, если мы припомним одно место из разговора Палеолога с Николаем 21-го ноября. В конце его Палеолог очень добивался услыхать от Николая, что „единственным и окончательным движением русской армии будет движение к Берлину". Николай это подтвердил, посочувствовав кстати трудному положению французской армии. В самом деле, на западе к этому времени произошла окончательная „стабилизация фронтов", результаты марнского успеха были исчерпаны, союзники опять были на обороне, а наступали немцы,— словом, отвлечение внимания русских к Вене было бы как нельзя менее приятно для французского главного командования. Заключение мира с Австрией раз навсегда фиксировало, как „единственную и окончательную" цель похода, германскую столицу; ради этого стоило слегка изменить англичанам (чтобы отклонить это подозрение, Палеолог делает молчаливым свидетелем своей беседы с Сазоновым Бьюкенена, но насчет таких подробностей его мемуары всего менее надежны).

Если австро-русский мир не беспокоил Францию и мог быть ей даже на-руку, дело совсем иначе обстояло с англичанами. Выключение Австрии из войны наглухо отрезывало Берлин от Константинополя и отдавало Турцию на милость и немилость России. Но англичане еще далеко не переварили той мысли, что русские станут хозяевами Константинополя. Что проливы были для англичан наживкой на удочке, при помощи кото-

рой была поймана такая крупная рыба, как царская Россия,—это несомненно: но наживку на крючок насаживают совсем не затем, чтобы серьезно кормить ею рыбу. И всего менее приятным для рыболова моментом бывает, когда рыба наживку съест, а с крючка сорвется. А мир с Австрией именно это и обещал. Получив Галицию, а следом за тем легко вынудив Турцию передать в русские руки проливы, к чему Николай стал бы продолжать войну?

Перспектива австро-русского мира ставила перед англичанами совершенно определенную политическую задачу: устроить так, чтобы Константинополь Николай мог получить только из рук Англии. А это практически приводило к стратегической задаче: быть в проливах раньше русских. 19-го февраля 1915 года английский флот начал бомбардировку дарданелльских фортов.

Это не только домысел „задним числом" историка: современная событиям русская дипломатия совершенно так же расценивала положение вещей. Посланник в Белграде, кн. Гр. Трубецкой, телеграфировал (13/26-го февраля) Сазонову [1]): „Проливы для нас не только средство, но и конечная цель, коею осмысливается вся нынешняя война и приносимые ей жертвы. Для меня борьба с Германией и Австрией и союз с Францией и Англией только средство для достижения этой народной цели. С этой точки зрения не может быть безразлично, мы или наши союзники завладеем проливами. Одно участие их с нами в этом деле является уже прискорбным, ибо

[1]) См. приложение XII.

создает им опасные для нас права в конечном разрешении вопроса. Завладение же проливами без нас было бы прямо пагубно, и в этом случае Константинополь стал бы в будущем могилою нынешнего нашего союза... Относительно конечного разрешения вопроса, категорически должен вновь высказать глубокое убеждение, что только полный и всецелый контроль наш над обоими проливами может быть признан действительным разрешением задачи, допущение же участия наших союзников в контроле над Дарданеллами, хотя бы под видом их нейтрализации, может послужить началом конца наших взаимных отношений и установить для нас режим, менее обеспеченный, чем при слабых турках. Поэтому, если невозможно разрешить вопроса всецело в нашу пользу, то-есть присуждением нам границы Мидия—Энос, то наименее плохим из последующих решений было бы оставление на проливах Турции с установлением нашего военно-морского контроля над проливами. Это фактически привело бы Турцию к положению Бухары и в то же время оградило бы финансовые и экономические интересы союзников, не встречая, вероятно, непреодолимых препон в их общественном мнении. Во всяком случае, только исчерпывающий обмен мнений с ними теперь же способен предотвратить самые опасные осложнения в ближайшем будущем".

Мы видим кстати, почему безразлично было, имели ли место австро-русские переговоры в действительности, или то, что излагала депеша Драгумиса, было лишь ловкой уткой, пущенной русским главным штабом по примеру той, что вызвала убийство Франца-Фердинан-

да в июне 1914 г. [1]). Николай мог изменить, и англичане считались с этою возможностью даже независимо от вопроса, началась уже ее реализация или еще нет. А раз был налицо объективный факт атаки Дарданелл англичанами (французы участвовали в операции явно нехотя и в довольно скромных размерах), „исчерпывающий обмен мнений" являлся столь же объективно неизбежным последствием.

Посредником в „исчерпывающем обмене мнений" опять, как сентябре и ноябре, могла быть только Франция. По Палеологу, Сазонов вновь затронул щекотливую тему 1-го марта, но мы имеем депешу Сазонова Извольскому [2]) за несколько дней до этого числа, свидетельствующую, что почва нащупывалась уже давно. Вот эта депеша (13/26-го февраля): „Ваша телеграмма № 86 получена. Целью нашего утверждения на проливах является исключительно обеспечение для России выхода в свободное море как в мирное, так и в военное время. Недавние примеры попрания Германиею актов, обязывавших ее к уважению нейтралитета, а также меры, принимавшиеся Турциею за последние годы в проливах с громадным ущербом для нашей торговли, служат доказательством, что только прочное основание наше в проливах сможет служить гарантиею того, что мы будем в состоянии отразить всякую попытку запереть нас в Черном море. Никаких земельных приращений ради увеличения нашей территории мы не ищем.

---

[1]) См. „Как началась война 1914 года", в „Пролетарской Революции".

[2]) Русский посол в Париже.

В виду этого правительство озабочено определением того минимума земель, присоединение коих необходимо для достижения намеченной выше цели. Работа эта еще не окончена и сводится покамест к следующему: на европейском берегу должен быть положен конец турецкому владычеству и линия Энос—Мидия должна служить границею между нами и Болгариею. На азиатском берегу пограничная линия должна примерно итти по реке Сакарии, а засим должно быть обеспечено наше положение на проливах со стороны южного берега Мраморного моря. Экономические интересы как Румынии, Болгарии, вероятно, остатка Турции, а также интересы международной торговли будут приняты нами во внимание."

С Палеологом и Бьюкененом заговорили уже только тогда, когда „работа" была „окончена", при чем впервые было инсценировано „общественное мнение",—атака Дарданелл, о которой было напечатано в газетах, давала достаточный предлог. „Несколько недель тому назад,—говорил Сазонов,—я мог еще думать, что открытие проливов не включает в себя необходимо окончательной оккупации Константинополя. Сегодня я должен констатировать, что вся страна требует этого радикального решения... Между тем, сэр Эд. Грей до сих пор ограничился тем, что известил нас, что вопрос о проливах будет решен согласно с желаниями России. Правда, король Георг пошел дальше, сказав нашему послу Бенкендорфу: „Константинополь должен быть ваш" (Constantinople must be yours). Но пришло время выражаться точнее. Русский народ не должен более оставаться в неведении, может ли он рассчитывать на

своих союзников при разрешении своей национальной задачи. Англия и Франция должны громко заявить, что, в день заключения мира они согласятся на присоединение Константинополя к России“ [1]).

Церемониал был опять проделан до конца, но на этот раз ускоренным темпом. 3-го марта Палеолог снова был приглашен в Царское Село,—предлогом был визит в Россию генерала По, известного „своим талантом, честностью и благочестием“. Столь замечательную личность нельзя было не угостить царским обедом, на котором неизбежно должен был присутствовать и французский посол. Подкрепившись пищею, Николай заговорил „твердо“. Отозвав Палеолога в сторону, Николай сказал ему: „Вы помните разговор, который был у нас с вами в ноябре прошлого года. Мои взгляды с тех пор не изменились. Но один пункт события заставляют уточнить: я хочу сказать о Константинополе. Вопрос о проливах в высшей степени волнует русское общественное мнение (!). Его [2]) значение с каждым днем становится могущественнее. Я не признал бы за собою права возложить на мой народ страшные жертвы теперешней войны, не обеспечив ему, как вознаграждение, осуществление его вековой мечты(!!). Итак, мое решение принято, господин посол. Я разрешу радикально задачу Константинополя и проливов. Решение, на которое я вам указывал в ноябре, есть единственное возможное, единственное практическое. Город Константинополь и Южная Фракия должны войти в состав моей

---

[1]) Запись Палеолога под 1-м марта 1915 г.

[2]) Т.-е., разумеется, вопроса, а не общественного мнения.

империи. Что касается администрации города, я готов допустить специальный режим, учитывающий интересы иностранцев... Вы знаете, что Англия уже дала мне свое согласие. Король Георг сказал недавно моему послу: „Констинтинополь должен быть ваш". Это заявление гарантирует мне добрую волю британского правительства. Если бы, однако, возникли какие-нибудь затруднения в деталях, я рассчитываю, что ваше правительство поможет мне их уладить".

Тон Николая был так тверд, что, ослабленный к тому же процессом пищеварения, Палеолог нашелся только пролепетать: „Могу ли я уверить мое правительство, что намерения вашего величества не изменились и по отношению к проблемам, которые непосредственно интересуют Францию?".

„Разумеется, — был ответ. — Я желаю, чтобы Франция вышла из этой войны столь великой и сильной, как только возможно. Я заранее подписываюсь под всеми пожеланиями вашего правительства. Берите левый берег Рейна, берите Майнц, берите Кобленц, идите дальше еще, если находите нужным. Я буду счастлив и горд за вас".

Бери все, что хочешь, только дай мне Константинополь. Последующие французские правительства не забыли этих послеобеденных излияний Николая, и перед самой февральской революцией они были фиксированы в особом соглашении. Но твердый тон, несомненно, объяснялся не только выпитым шампанским: полученная несколько дней спустя депеша Делькассе должна была показать Палеологу, что русское правительство на сей раз подковалось на все четыре ноги. Французз-

ское правительство изъявляло свою полную готовность помочь России в „проливном“ деле, во всем его объеме, включая Константинополь. Едва ли можно сомневаться, что Николай, ведя разговор с Палеологом, уже знал, через Извольского и Сазонова, содержание будущей депеши Делькассе. Наивный дипломат мог думать, что он слушает „откровение“: на деле это была такая же составная часть церемониала, как и самый обед в честь благочестивого генерала По.

Само собою разумеется, что при наличии согласия Делькассе церемониал предназначался не для Палеолога. Болтливость последнего была уже хорошо известна, говорить с ним значило говорить через окошко на площадь, и первый, кто должен был услыхать, были англичане. „Твердый“ тон Николая должен был подкрепить „памятную записку“, которую на другой же день, 4-го марта, Сазонов официально передал Бьюкенену и Палеологу. Самый день передачи, несомненно, был не случайной составной частью всего того же церемониала: 4-го марта нового стиля—это 19-го февраля стиля старого, годовщина Сан-Стефанского трактата 19-го февраля 1878 года.

По отношению к французам и самая передача меморандума была простым церемониалом. Что касается англичан, неизвестно, как ответили бы они, если бы английский флот уже стоял перед Константинополем. Но он был еще по ту сторону Дарданелл. Возможность сепаратного мира продолжала висеть в воздухе. Первое письмо княгини Васильчиковой из Австрии относится именно к этим дням,—оно помечено 25-м февраля/10-м марта 1915 г. Как документ, письмо не имеет,

разумеется, никакого отношения к переписке о проливах. Но Васильчикова была одним из каналов, через которые шли русско-австрийские секретные сношения. Не зная самого письма, англичане, если у них был сколько-нибудь сносно поставленный шпионаж, не могли не знать, что переписка по данному сюжету вообще ведется. И, повторяю, им не было надобности иметь точные сведения, вошли ли сношения уже в стадию формальных переговоров о мире, или идет еще только „подготовка почвы". Константинополя еше не было в руках, а Россия могла уйти из рук. Всю эту цепь соображений необходимо иметь в виду, читая тот достопримечательный документ, который Бьюкенен передал Сазонову 12-го марта в ответ на русский меморандум от 4-го. Английский меморандум [1]) стоит привести целиком,—в нем мы имеем краткий конспект всей философии „мировой войны". Когда кто-нибудь вздумает повторять фразы об интересах цивилизации и культуры, достаточно в ответ ему прочесть эту вещь,—самый наивный человек поймет, о какой „цивилизации" тут шло дело.

„Требования, предъявленные императорским правительством в его памятной записке от 19-го февраля/4-го марта 1915 года, далеко выходят за пределы тех пожеланий, на которые намекал г. Сазонов несколько недель тому назад. Прежде чем правительство его величества (т.-е. английское) успело обсудить, каковы будут его собственные пожелания при составлении окончательных условий мира, Россия требует определенного обещания удовлетворить ее желания в отношении того, что

[1]) См. приложение XIII. Здесь мы даем свой перевод, несколько отличающийся от перевода мин-ства ин. д.

является фактически богатейшей добычей всей войны (!) [1]). Сэр Эд. Грей надеется поэтому, что г. Сазонов признает, что правительство его величества не может дать большего доказательства дружбы, чем согласие на условия вышеупомянутой памятной записки. Этот документ заключает в себе полный переворот в традиционной политике правительства его величества и находится в прямом противоречии к мнениям и чувствам, некогда всеобщим в Англии и никоим образом не угасшим окончательно. Сэр Эд. Грей надеется поэтому, что императорское правительство признает, что обещания общего характера, данные недавно г. Сазонову, осуществлены самым лойяльным и полным образом. Представляя теперь свой меморандум, правительство его величества верит и надеется, что осуществление предлагаемого соглашения обеспечит прочную дружбу между Россией и Великобританией.

Из британского меморандума следует, что пожелания правительства его величества, какое бы значение они ни имели для британских интересов в других частях света, не содержат в себе ни одного условия, которое могло бы помешать России осуществлять контроль по отношению к территориям, обозначенным в русской памятной записке от 19-го февраля/4-го марта 1915 года.

В виду того, что Константинополь всегда останется складочным пунктом для торговли в юго-восточной Европе и Малой Азии правительство его величества потребует, чтобы Россия, вступив в обладание им, сделала его „вольной гаванью“ для товаров, идущих не

---

[1]) „The richest prize of the entire war“.

на русскую и не с русской территории. Правительство его величества потребует также свободного плавания коммерческих судов через проливы, что г. Сазонов уже обещал.

Не считаясь с тою пользой, которую могут принести общему делу союзников морские и сухопутные операции, предпринятые в настоящее время правительством его величества в Дарданеллах, ясно, что эти операции, как бы успешны они ни были, не могут принести никакой пользы правительству его величества при окончательном заключении мира. Одна Россия пожнет непосредственные плоды этих операций, если война будет победоносна. Поэтому, по мнению правительства его величества, Россия не должна создавать затруднений для какой-либо державы, которая на разумных основаниях предложила бы свое содействие союзникам. Единственная держава, могущая участвовать в операциях, касающихся проливов, есть Греция. Адмирал Гарден просил адмиралтейство выслать ему еще „истребителей", но таковых в распоряжении адмиралтейства более нет. Помощь греческой флотилии, если бы таковая могла быть обеспечена, была бы поэтому неоценима для правительства его величества.

Одной из главных целей, которые преследовало правительство его величества, предпринимая операции в Дарданеллах, было побудить нейтральные балканские государства присоединиться к союзникам. Правительство его величества надеется, что Россия не пощадит усилий, чтобы успокоить опасения Болгарии и Румынии, будто бы переход проливов и Константинополя в русские руки будет для них невыгоден. Правительство его

величества надеется также, что Россия сделает все возможное, чтобы сделать сотрудничество (с нами) этих двух государств для них привлекательным.

Сэр Эд. Грей указывает, что, очевидно, представится необходимость обсудить в целом вопрос о будущих интересах Франции и Великобритании в том, что теперь является Азиатской Турцией; формулируя свои пожелания относительно Оттоманской империи, правительство его величества будет совещаться с французским и с русским правительствами. Когда, однакоже, станет известно, что по окончании войны Россия получает Константинополь, сэр Эд. Грей пожелает констатировать, что в процессе переговоров правительство его величества стипулировало, что святые места мусульман и Аравия останутся при всех обстоятельствах мусульманскими государствами.

Сэр Эд. Грей пока не может сделать никаких определенных предложений по поводу британских пожеланий; но одним из пунктов последних будет пересмотр персидской части англо-русского соглашения 1907 года в смысле признания британской сферой того, что является теперь сферой нейтральной.

Пока союзники не смогут дать балканским государствам, в особенности Болгарии и Румынии, удовлетворительных гарантий по отношению к территориям, смежных с их границами и присоединения которых они желают, и пока соглашение относительно французских и британских пожеланий по поводу окончательных условий мира не выяснятся более определенно, сэр Эд. Грей считает в высшей степени желательным, чтобы состоявшееся теперь соглашение между русским, фран-

цузским и британским правительствами оставалось в тайне".

Русского медведя соглашались пустить в Царьград, но только в клетке. Мы помним из записки Сазонова от 27-го ноября 1913 года, что в Константинополе лежали двоякого рода ключи. Об одних кричали направо и налево: то были „ключи от собственного дома", свобода русского хлебного вывоза. О других говорили друг-другу шопотом на-ушко: это были „ключи к господству над Балканским полуостровом и Малой Азией". Казалось, что от Константинополя оба сорта ключей неотделимы. Но англичане сумели произвести тонкую операцию их разделения. Вы желаете Константинополя и проливов? Извольте, но только Константинополь и только проливы. Балканский полуостров? Нет, там есть законные интересы Болгарии и Румынии, которые вы должны уважать. Малая Азия? Это мы еще посмотрим. А сколько придется заплатить за „посмотрим"?

А пока-что и за одну святую Софию пришлось отдать некоторые реальные ценности. „В уплату за утверждение планов России на Константинополь и проливы, британское правительство требует от императорского правительства согласия на то, чтобы нейтральная зона Персии (т.-е. весь центр Ирана, включая область Испагани) была включена в английскую зону.

Сазонов тотчас отвечает Бьюкенену:

— Решено.

Вот и улажен в одну минуту этот вопрос о Персии, который в течение двух веков ссорил Англию с Россией"[1]).

---

1) Палеолог. Запись под 12-м марта.

У великой войны за свободу и цивилизацию была не только „богатейшая добыча“, Константинополь, но были добычи второго и даже третьего сорта (для мелких союзников). Общей чертой всех „добыч“ было то, что население их никто не спрашивал, согласно ли оно с планами „великих“ держав на его счет. Никаким представителем Персии даже и чуть-чуть не пахнет во всех этих переговорах, а изменилась участь нескольких миллионов именно персов, державших строжайший нейтралитет. И это, нужно сказать, была единственная реальная перемена в результате всего шума. Во-первых, англичане даже и „ключи от собственного дома“ постарались сделать возможно менее реальными. Читатель заметил, с какой тщательностью английский меморандум устраняет всякую мысль о возможности русской таможни в Дарданеллах. Не только политическое господство над Балканами и Малой Азией, но и экономическое удушение русских конкурентов на хлебном рынке, дунайских стран, было заранее исключено. Если к этому добавить, во-вторых, что и военное господство России в Дарданеллах было под большим сомнением, поскольку из островов, командующих над выходом из пролива, самый сильный, Лемнос, оставался вне русской зоны,— в нее входили только два, более близких, но менее важных острова, Имброс и Тенедос,—так что возможность запереть пролив оставалась за той державой, в руках которой был бы Лемнос (тогда уже занятый англичанами),—то название „богатейшей добычи всей войны“ начинало звучать довольно иронически. Не о таком Константинополе мечтали последние Романовы!

Неизвестно, сколько раз почесали бы в затылке Сазонов и Николай, раскусив истинную цену „величайшего доказательства“ английской дружбы. Но мы уже видели, что роковым образом, без заранее обдуманного намерения, но с необычайной меткостью, на выручку русскому империализму всегда приходил германский. 18-го марта при попытке прорвать Дарданеллы английский флот был разбит на-голову. Штурм не удался, приходилось вести медленную осаду (которую после бесчисленных жертв потом пришлось снять).

Ни одной бумаги во всей этой переписке Сазонов не подписывал, вероятно, с таким удовольствием, как новый „благодарственный“ меморандум Англии 20-го марта [1]). Фактически, это была только бумага. До Царьграда англичанам было так же далеко, как и русским. А вексель, хотя и с неопределенным сроком уплаты, все же был в кармане. Когда объективное соотношение сил на восточном театре войны станет благоприятным, его можно предъявить к уплате. А что объективное соотношение сил приведет русскую армию через шесть месяцев на берега не Босфора, а Западной Двины,—этого в марте 1915 года ни Николаю, ни Сазонову, разумеется, не могло притти в голову.

---

[1]) См. приложение XIV.

ПРИЛОЖЕНИЯ.

I.

№ 11. 23 ноября 1913 г. На подлинном собственной его императорского величества рукой начертано: „Согласен". Ливадия, 27 ноября 1913 г.

События на Балканском полуострове, создавшие неустойчивое и непрочное положение на всем юго-востоке Европы и в малоазиатской Турции, выдвигают перед министерством иностранных дел задачу определить наше собственное отношение к условиям новой политической обстановки.

Благодаря междоусобной войне между балканскими государствами, Турции удалось внести в ликвидацию кризиса некоторые поправки в свою пользу и получить границу, более благоприятную для защиты столицы и проливов против сухопутного натиска неприятеля. Таким образом, до известной степени уменьшилась непосредственная опасность внезапного захвата Константинополя болгарами, но в то же время усилилась опасность морского наступления со стороны Греции. С другой стороны, можно сказать,

что военные поражения Турции в связи с расшатанным внутренним положением и печальным состоянием ее государственных финансов создали во всех европейских кабинетах убеждение в том, что на возрождение этого государства нельзя слишком полагаться, и что долговечность турецкого владычества подвержена серьезному сомнению.

В связи с таким настроением все великие державы без исключения учитывают уже теперь возможность окончательного распадения Оттоманской империи и задаются вопросом о заблаговременном обеспечении своих прав и интересов в различных областях Малой Азии [1]), чтобы создать и упрочить основания политических притязаний в будущем дележе Оттоманской империи.

Правда, нельзя не оговориться, что окончательное крушение Турции возвещается на протяжении двух столетий. Но если государство это все еще обнаруживает известную живучесть, то нельзя не признать, что ряд поражений, в особенности те, которые испытаны Оттоманской империей как-раз в период работы над ее военным возрождением, свидетельствуют о том, что для последнего нет налицо необходимых данных. Если внешние условия сложатся для Турции благоприятно, она может еще долго влачить существование, обосновывая свою относительную безопасность на чужих раздорах и соревнованиях. Но против решительного удара извне Турция едва ли найдет в себе

---

[1]) Этим объясняется усилившаяся деятельность Германии, Италии и даже Австрии, доселе не имевшей интересов в Малой Азии.

силы для его отражения. Между тем, хотя желание мира как-будто преобладает в настоящее время среди великих держав, поручиться за прочность общего политического положения в Европе не представляется возможным. Эта неуверенность усиливается нынешним неустойчивым положением на Балканском полуострове в результате Букарестского мира.

Вышеуказанные условия, несомненно, создают для России крайне сложные и нелегкие задачи. В наши непосредственные интересы не входит преследование каких-либо земельных приращений. Все потребности нашего внутреннего развития ставят задачу поддержания мира на первое место. Не оставляя этой главной и первостепенной задачи, мы не можем, однако, закрывать глаза на опасности международного положения, устранение коих зависит не от нас одних. В связи с этим мы, так же, как и другие державы, не можем не задаваться мыслью о необходимости заблаговременного обеспечения своих прав и интересов, если бы события выдвинули перед нами обязанность их оградить вооруженной рукой.

Сомнение в прочности и долговечности Турции связано для нас с постановкой исторического вопроса о проливах и оценки всего значения их для нас с политической и экономической точек зрения.

Можно быть разных взглядов насчет того, следует или нет России стремиться к завладению проливами. Если мы поставим вопрос о потребных для сего жертвах и о ценности такого приобретения, то мы неизбежно натолкнемся на противоположение одних аргументов другим. На спорных базах нельзя обосновы-

вать направление внешней политики в столь первостепенной важности вопросе. За последнее время вопрос о проливах осложнился новыми условиями, которые, с одной стороны, усиливали экономическое значение проливов для России, а с другой—осложнили политические и стратегические трудности на пути к возможному завладению ими. Вопрос так и остается открытым, и единственное заключение, к которому можно притти в настоящее время,—это, что едва ли в России найдется ответственный политический деятель, который не признавал бы, что в случае изменения существующего положения Россия не может допустить разрешения вопроса вопреки своим интересам, иными словами, при известных условиях не может оставаться безучастной зрительницей событий.

Допустимо ли с точки зрения интересов России завладение проливами другим государством вместо Турции? Чтобы ответить на этот вопрос, следует предварительно оценить нынешнее положение—обладание проливами Турцией.

Сложный и трудный вопрос охраны проливов в настоящее время разрешается в сущности довольно удовлетворительно с точки зрения наших непосредственных интересов. Турция представляется не слишком сильным, но и не слишком слабым государством, неспособным угрожать нам и в то же время вынужденным считаться с более сильною Россией. Самые недочеты Оттоманской империи, ее неспособность возродиться на правовых и культурных основах до сих пор служили нам на пользу, порождая то тяготение к православной России подвластных полу-

месяцу народов, которое составляет одну из основ нашего международного положения на Востоке и в Европе.

Как бы то ни было, но раз долговечность Турции не обеспечена, то нельзя не задаться вопросом о том, можем ли мы не готовиться к наступлению событий, которые в корне изменят положение Константинополя и проливов. Оставляя открытым вопрос о положительной ценности завладения и тем, и другим, а также о потребных для сего жертвах, допустим ли для нас переход проливов в полновластное обладание другого государства?

Поставить этот вопрос все равно, что ответить на него отрицательно. Проливы в руках сильного государства—это значит полное подчинение экономического развития всего юга России этому государству.

Согласно объяснительной записке министра финансов к проекту государственной росписи доходов и расходов на 1914 год, торговый баланс России в 1912 году был на 100 миллионов менее в сравнении с средним активным сальдо за предыдущие три года. Причиной этого министерство признает недостаточно удовлетворительную реализацию урожая; затруднение в вывозе хлеба, помимо стихийных причин, произошло вследствие временного закрытия Дарданелл для торговых судов всех наций. В связи с этим весною последовало также повышение Государственным банком учета на ½% для трехмесячных векселей. Таким образом, временное закрытие проливов отразилось на всей экономической жизни страны, лишний раз подчеркивая все первостепенное для нас значение этого

вопроса. Если теперь осложнения Турции отражаются многомиллионными потерями для России, хотя нам удавалось добиваться сокращения времени закрытия проливов до сравнительно незначительных пределов, то что же будет, когда вместо Турции проливами будет обладать государство, способное оказать сопротивление требованиям России? И для этого не нужно, чтобы государство, владеющее проливами, обладало само по себе силою великой державы. Оно неизбежно приобретает эту силу, обосновавшись на проливах, из-за исключительных географических условий. В самом деле, тот, кто завладеет проливами, получит в свои руки не только ключи морей Черного и Средиземного. Он будет иметь ключи для поступательного движения в Малую Азию и для гегемонии на Балканах. Вследствие этого государство, заменившее Турцию на берегах проливов, по всем вероятиям, будет стремиться пойти по дорогам, проторенным в былое время турками.

Выше указано было на недопустимость для нас такого рода чужого завладения проливами с экономической точки зрения. Но не представляется ли это столь же мало допустимым с точки зрения политической? Не создают ли указанные выше тенденции к гегемонии на Балканах и проникновению в Малую Азию неизбежность резкого антагонизма между всяким новым государством, которое стало бы на место Турции, и Россиею? Недопустимость для нас полновластного утверждения нового государства на проливах подала повод к предположению о возможности избегнуть такого положения созданием нейтрализации

проливов, со срытием на них укреплений и запрещением возводить новые. Едва ли, однако, подобная комбинация может быть признана удовлетворительной. Всякая правовая норма действительна лишь в мирное время. Когда же наступает война, то для своего ограждения она требует силы. Ведь, война может начаться внезапным захватом их неприятелем, и самое отсутствие укреплений будет только способствовать подобной операции, успех коей и в настоящее время зависит в значительной мере от быстроты и неожиданности. Поэтому, если бы даже были найдены какие-либо условия, при коих признавалась бы возможность нейтрализации проливов, указанные выше соображения сделали бы для нас необходимым такое усиление наших военно-морских сил в Черном море, которое дозволило бы нам в любую минуту предупредить занятие проливов всякою иною державою.

В первый период балканской войны, вместе с успехами Болгарии, одно время обрисовывалось стремление ее честолюбивых вождей к занятию Константинополя и утверждению гегемонии на Балканах. Непомерное честолюбие Болгарии сплотило против нее ее недавних союзников и Румынию и закончилось ее поражением. Но едва ли можно ожидать, чтобы Болгария помирилась с таким исходом. Не вероятнее ли, что она будет искать случая вернуть себе отнятое? Прежняя мечта о гегемонии и об утверждении на проливах может вновь возродиться. При изменчивости счастия и неспособности Турции воспринимать удары судьбы, как уроки, никто не может определить дня и часа, когда Болгария вновь обрушится на сво-

его соседа стремительным натиском, на который способны болгары, и который может оказаться последним и роковым для Оттоманской империи.

Уже тридцать лет прошло с того времени, когда державною волею покойного императора Александра III возродился черноморский флот. Около 60 лет прошло со времени появления торгового пароходного движения на Черном море. Оба начинания связаны были с мыслью о мощи России, о возможнном утверждении наших интересов на проливах. Сотни миллионов были истрачены на это дело, равно как и на содержание войск Одесского военного округа, призванного к совместным с нашим флотом операциям. Как известно, еще в 1895 году в связи с армянскими избиениями был поставлен вопрос о временном занятии Константинополя нашими войсками с ведома и согласия наиболее опасного из возможных в то время для нас соперников—Англии. От плана этого пришлось отказаться по недостатку транспортных средств и несовершенству сухопутной мобилизации.

С тех пор прошло 18 лет. Попрежнему тратятся многие сотни миллионов, и попрежнему мы ни на шаг не подвинулись к цели. Строятся военные суда, отпускаются ежегодные крупные субсидии на поддержание торгового мореходства. Между тем, когда заходит речь о желательности той или иной крупной десантной операции, правительство останавливается перед почти невозможностью ее осуществить.

В минувшем году, когда зашла речь о возможном движении наших войск на Константинополь, выяснилось, что в течение двух месяцев мы можем посте-

пенно перевезти два корпуса, при чем приготовления по мобилизации транспортных судов и подвозу войск заняли бы столько времени, что операция не могла бы остаться ни для кого неожиданной. Иными словами, она просто оказывалась неосуществимой, не говоря о том, насколько не соответствовала самая численность такой десантной армии тем задачам, которые ей предстояло бы выполнить.

Впрочем, в настоящее время приходится говорить не только о возможности серьезных активных выступлений против Турции, но о недостаточности наших оборонительных средств против морской программы, которая может быть осуществлена в ближайшее время Турциею.

На основании данных, в разное время полученных министерством иностранных дел, приходится притти к заключению, что в период 1914—1916 годов турецкий военный флот будет иметь преобладание над нашим в Черном море по качеству своих судов и силе их артиллерии. Относящиеся к этому данные сгруппированы в прилагаемой у сего записке, в которой сделана попытка указать соотношение между нашими и турецкими морскими силами в ближайшие годы. Морскому ведомству принадлежит, конечно, проверка точности приведенных в этой записке данных, которые почерпнуты частью из сведений, сообщавшихся печатью, частью в свое время приводившихся в различных донесениях императорского посольства в Константинополе и, наконец, из сообщавшихся в разное время министерству иностранных дел предположений нашего морского ведомства.

Если даже в эти данные могли вкрасться какие-либо неточности, во всяком случае общее положение в ней, повидимому, соответствует действительности.

Едва ли нужно настаивать на том, насколько подобное положение не может считаться допустимым. После громадных средств, израсходованных в течение ряда лет на создание мощной силы в бассейне Черного моря, Россия не может мириться с положением, при коем ее морское превосходство над Турцией может оказаться необеспеченным. Ежегодное ассигнование крупных государственных средств на дело обороны в бассейне Черного моря указывает на значение, которое придает ему правительство. Тем настоятельнее представляется необходимость пересмотреть новые условия, при коих нашим военно-морским силам на Черном море должны быть предъявлены определенные задания и намечены мероприятия для их выполнения. Россия не может ни допустить в настоящее время морского превосходства Турции в Черном море, ни в будущем остаться безучастной к решению вопроса о проливах. Поручиться за то, что вопрос этот не будет поставлен в недалеком будущем, мы не можем.

Следовательно, государственная предусмотрительность требует от нас внимательной подготовки к выступлению, которое может потребоваться. Указанная подготовка не может не носить характера всесторонней планомерной программы с привлечением к работе различных ведомств. Предстоит выяснить: что может быть предпринято для усиления нашей военной и морской мощи на Черном море? Какие мероприятия по-

требуются со стороны военного и морского ведомств для ускорения мобилизации в связи с оборудованием новых путей сообщения и доведением наших транспортных средств до должных размеров? Какие задачи могут, в соответствии с этими средствами, быть намечены и в какое приблизительно время? Возможно или нет поставить в качестве задания нашей армии и флоту прорыв через проливы и занятие Константинополя, если бы этого потребовали обстоятельства?

Возвращаясь к упомянутой политической стороне подготовки, приходится вновь повторить, что скорое распадение Турции не может быть для нас желанным, и что в пределах дипломатического воздействия должно сделать все возможное для отсрочки такой развязки.

Указанные вопросы ставят на очередь обсуждение следующих конкретных мероприятий: 1) По ускорению мобилизации достаточно численного десантного корпуса. 2) По оборудованию потребных для сего путей сообщения. 3) По приведению черноморского флота в положение, при коем он превосходил бы силы оттоманского флота и мог бы совместно с армией выполнить задачу прорыва через проливы для их временного или постоянного занятия, если это потребуется. 4) По увеличению наших транспортных средств до размеров, отвечающих потребностям десантной операции. Этот последний вопрос тесно связан с ростом нашего хлебного вывоза из Черного моря, доселе, к сожалению, обслуживаемого, главным образом, иностранными торговыми судами. Минувшею осенью невыгодность подобного положения весьма

ярко сказалась, когда возник вопрос о пропуске через проливы греческих торговых судов с русским хлебом. Нашему посольству в Константинополе пришлось употребить немало усилий на то, чтобы добиться от Порты означенного пропуска, и происшедшая отсюда проволочка отразилась крайне тяжело на нашей хлебной торговле. Вопрос о мерах, кои могут быть приняты в целях обеспечить за нашим торговым флотом преимущества над иностранными судами по вывозу русского хлеба, стоит в тесной связи с мероприятиями по оживлению общего нашего товарообмена через порты Черного моря; министерству торговли и промышленности принадлежит указать, что может быть сделано в этом направлении для осуществления той государственной задачи увеличения наших транспортных средств в Черном море, которой министерство иностранных дел не может не придавать весьма серьезного значения. 5) В ряду мероприятий по усилению средств обороны в бассейне Черного моря и на границах Турции нельзя не отнестись с особым вниманием к осуществлению так-называемой перевальной железной дороги на Кавказе. Министерству иностранных дел приходилось до сих пор напрягать значительные усилия, чтобы отсрочить по возможности постройку Турцией железных дорог в соседстве с нашею границею. На долю русской дипломатии выпадает неблагодарная задача отстаивать концессии на бездорожие в то время, как все другие великие державы наперерыв предлагают Турции свои услуги по проведению и усовершенствованию путей сооб-

щения. Естественно, что наши старания только возбуждают подозрительность Турции и заставляют с тем большим вниманием относиться к вопросу о неприятных для России путях сообщения. Поэтому надолго обеспечить бездорожье в прилегающих к нам областях Турции нам едва ли удастся. Между тем, как скоро будет удовлетворительно разрешен вопрос о наших путях сообщения на Кавказе и, в особенности, когда проведена будет перевальная железная дорога, которая даст возможность значительно ускорить сосредоточение наших войск на турецкой границе,—вопрос о смычке турецких железных дорог с нашими не только утратит опасную для нас сторону, но и будет вполне отвечать нашим интересам. В этом случае турецкие железные дороги станут гораздо более средством нашего проникновения в Турцию, чем орудиями турецкого нашествия на Кавказ. По отношению к Турции мы будем в положении того же превосходства путей сообщения, которым располагают наши западные соседи относительно России, с той разницей, что Турция не в состоянии восполнить свой пробел содержанием в мирное время многочисленной армии на нашей границе, как это делаем мы в наших западных губерниях.

Таковы главные вопросы, которые ставятся на очередь при обсуждении будущности Малой Азии и тех мер внутреннего порядка, кои вызываются заботою об охране интересов России. Само собою разумеется, что наши военное и морское ведомства в праве, в свою очередь, поставить министерству иностранных

дел вопрос о том, что может быть сделано для создания наиболее благоприятной политической обстановки при наступлении событий, могущих потребовать от нас решительных действий.

Повторяя высказанное вначале пожелание о возможно более длительном поддержании statu quo, приходится также снова повторить, что вопрос о проливах едва ли может выдвинуться иначе, как в обстановке общеевропейских осложнений. Последние, если можно судить по нынешним условиям, застали бы нас в союзе с Францией и возможном, но далеко не обеспеченном союзе с Англией, или же доброжелательном нейтралитете этой последней. На Балканах мы, в случае общеевропейских осложнений, могли бы рассчитывать на Сербию, а может-быть, и на Румынию. Отсюда выясняется задача нашей дипломатии—создавать условия для возможно большего сближения с Румынией. Работа в этом направлении должна быть столь же постоянной, сколь и осторожной и чуждой излишних увлечений. Положение Румынии на Балканах во многом схоже с положением Италии в Европе. Обе державы страдают мегаломанией и, не имея достаточно сил, чтобы осуществлять открыто свои задачи, должны пробавляться политическим оппортунизмом, высматривая, где в данную минуту сила, чтобы быть на ее стороне.

В заблаговременном учете сил было бы столь же опасно заранее полагаться на такие колеблющиеся факторы, как было бы неблагоразумно вовсе не считаться с ними.

В неустойчивости нынешнего положения на Бал-

канах два фактора играют главную роль: первый из них—это Австро-Венгрия, в которой усилилось племенное брожение, вызванное успехами сербов и румын и отношением к этому их единоплеменников в пределах Габсбургской монархии; второй фактор—это невозможность для Болгарии примириться с тяжелыми последствиями Букарестского договора.

Оба эти государства могут либо сплотиться в общей цели вновь перекроить Балканы, либо оказаться в противоположных лагерях, если Болгария получит надежду иным путем вернуть себе Македонию. Как ни трудна задача снова сплотить Сербию с Болгарией, но только при условии союза каждая из них может ставить себе дальнейшие национальные идеалы. Находясь во вражде, оба государства будут сковываться взаимным бессилием. Наоборот, Сербия может осуществить широкий идеал объединения всего сербского народа только в том случае, если ей не будет противиться в том или даже помогать Болгария, взамен возврата утраченной Македонии. Но нет сомнения, что и то, и другое может случиться лишь, если Россия в это время будет также вовлечена в разрешение своих исторических задач и будет с ними действовать, ибо, предоставленные сами себе, балканские государства неизбежно обречены на междоусобия, которые могут быть предотвращены только присутствием России, как руководящей активной силы.

О всех этих условиях приходится говорить не с точки зрения отвлеченных мечтаний или увлечений миссиею России. Заглядывая вперед и отдавая себе

отчет в том, что сохранение столь желанного для нас мира не всегда будет в наших руках, приходится ставить себе задачи не на один сегодняшний и завтрашний день, дабы не оправдать столь часто делаемого упрека в том, будто русский государственный корабль плывет по ветру и относится течением без твердого руля, направляющего его путь.

Сложные и ответственные вопросы, здесь затронутые, требуют всестороннего обсуждения для принятия тех или иных решений, с которыми могут быть сообразованы как внутренние наши мероприятия, так и дальнейшее направление нашей внешней политики.

Повергая на высочайшее благовоззрение изложенные выше соображения, приемлю смелость испросить всемилостивейшего разрешения вашего императорского величества подвергнуть их обсуждению Особого Совещания.

(Подпись) *Сазонов.*

II.

24 **Секретная телеграмма посла в Вашингтоне 29 августа (11 сентября 1914 года).**

Повторение телеграммы № 117.

Германский посол был вчера у Брайана, но не у президента с своим предложением. Брайан тотчас же телеграфировал американскому послу в Берлине, прося подтверждения и подробностей. Так как это было сделано с согласия германского посла, то можно предположить, что инициатива в сущности изошла из

Берлина. Брайан также телеграфировал в Париж и Лондон и, вероятно, в Петроград. Из Парижа отвечено, что условия о мире не могут обсуждаться отдельно и что, конечно, в принципе было бы желательно прекратить войну, но это возможно только, если условия удовлетворительны, и гарантии достаточны. Печать, повидимому, не посвященна в тайну разговора германского посла с Брайаном и только вскользь упомянула о нем, выражая предположение, что президент, уже предложивший свои дружеские услуги, не повторит их в настоящую минуту.

(Подпись) *Бахметев.*

III.

15. 408.

Секретная телеграмма посла в Риме 29 августа/11 сентября 1914 г. № 118.

Французский посол дал мне конфиденциально прочесть телеграмму своего правительства, в которой сообщается, что германский посол в Вашингтоне заявил президенту С.-А. С. Ш. о готовности согласиться на посредничество президента Вильсона между Германией и остальными воюющими, так как теперь-де честь германского оружия спасена. Запрошенное по этому поводу французское правительство, которое не знает, хитрость ли это, или признак усталости германских войск, сославшись на лондонское русско-англо-французское соглашение, отклонило предложение.

(Подпись) *Крупенский.*

IV.

15 4 . . . 31

Télégramme secret de l'Ambassadeur à Londres le 6/19 Septembre 1914. № 494.

Personnel. Très confidentiel. Le Roi m'a dit ce matin qu'il se pourrait que Président Wilson soit tenté jouer très prématurément rôle de Roosevelt, qu'il ne redoutait pas intrigues maladroites de Bernstorff, mais que Dernbourg était plus habile et pouvait engendrer une campagne américaine pour paix. Le Roi m'a rappelé la déclaration de son gouvernement et paroles de son discours hier de prorogation Chambre. Il me répéta qu'il maintient plus que jamais son opinion qu'aucune paix n'est possible avant que des évènements décisifs permettent d'imposer une paix qui assurerait l'écrasement durable de l'hégémonie militaire de l'Allemagne. Roi m'a dit qu'opinion qu'il émettait vis-à-vis de son gouvernement pour le cas d'ouvertures indirectes américaines serait de les laisser sans réponse aucune en les ignorant tout-à-fait. Roi pense qu'il n'y a aucune nécessité pour les Gouvernements alliés de se consulter, que si les Gouvernements alliés entraient dans cette voie, ces pourparlers parviendraient à Berlin très rapidement et y seraient considérés comme symptômes d'irrésolution et de faiblesse. Le Roi m'a dit que trés confidentiellement il avait voulu me mettre au courant de son opinion personnelle à ce sujet. Je remerciais Sa Majesté en l'assurant que j'avais l'intime conviction que l'Empereur partageait entièrement cette opinion. Le Roi termina entretien en me parlant situation militaire

et m'exprima son admiration pour succès de nos armes. Il me dit que rôle d'Angleterre serait dans peu de mois de fournir à la France les ressources nécessaires et exprima espoir qu'Angleterre mettrait alors à la disposition des alliés 500000 hommes au moins. Il me dit que plus que jamais la persévérance et la fermeté sont nécessaires, que le temps est pour les alliés et que c'est la-dessus qu'il basait son opinion sur l'attitude absolument passive à opposer à toute tentative américaine pour la paix.

(Signé) *Benkendorff.*

Секретная телеграмма посла в Лондоне. 6/19 сентября 1914 г. № 494.

Лично. Совершенно конфиденциально. Сегодня утром король заявил мне, что возможна попытка со стороны президента Вильсона сыграть весьма преждевременно роль Рузвельта; что он не опасается неискусных интриг Бернсторфа, но что Дернбург может оказаться более ловким и породить американскую кампанию в пользу мира. Король напомнил мне декларацию его правительства и слова своей вчерашней речи в Палате Общин. Он повторил мне, что он более, чем когда-либо убежден, что никакой мир не возможен, пока решающие события не позволят навязать Германии такой мир, который бы закрепил окончательно разгром ее военной гегемонии. Король мне сказал, что его мнение, вполне совпадающее с мнением его правительства, на случай косвенных по-

пыток Америки, было бы—оставить американские предложения без всякого ответа, игнорируя их совершенно. Король думает, что союзным правительствам нет никакой надобности даже совещаться (на этот счет): если бы союзные правительства вошли между собою в переговоры, это очень быстро стало бы известно в Берлине и рассматривалось бы там, как признак нерешительности и слабости. Король мне сказал, что он хотел совершенно конфиденциально сообщить мне его личное мнение по этому вопросу. Я поблагодарил его величество и уверил его, что я глубоко убежден, что царь всецело разделяет это его мнение. Король закончил беседу со мной, изложив мне военное положение и выразив свое восхищение успехами нашего оружия. Он мне сказал, что через немного месяцев роль Англии будет заключаться в снабжении Франции необходимыми ресурсами, и выразил надежду, что Англия предоставит тогда в распоряжение союзников минимум 500.000 человек. Он мне сказал, что выдержка и стойкость необходимы теперь более, чем когда-либо, что время работает в пользу союзников и что на этом-то покоится его убеждение в необходимости отнестись самым пассивным образом ко всякой американской попытке поднять вопрос о мире.

(Подпись) *Бенкендорф.*

V.

Петроград, 7 сентября 1924 г.

В доверительной беседе с импер. послом в Лондоне король Георг V выразил убеждение, что союзникам нельзя заключить мира с Германией, пока не будет окончательно сломлено военное могущество последней, являвшееся постоянной угрозой для мирного развития остальных народов.

Повергая у сего на всемилостивое благовоззрение телеграмму графа Бенкендорфа с изложением взгляда короля на этот вопрос, приемлю смелость испрашивать высоч. указаний, не будет ли вашему импер. величеству благоугодно повелеть послу в Лондоне передать королю, что его слова встретили сочувственный отклик у вашего величества.

На подлинном его императорское величество собственноручно начертать соизволил: „Всецело разделяю каждую мысль короля. Прошу графа Бенкендорфа категорически заверить его величество, что, несмотря, ни на какие препятствия или потери, Россия будет бороться с ее противниками до конца".

(Царское Село,
7 сентября 1914 г.)

VI.

I ПОЛИТИЧЕСКИЙ ОТДЕЛ И КАНЦЕЛЯРИЯ.

Секретная телеграмма российскому представителю в Лондоне.

Albus 494.
(Шифром С.).

Сообщается в
Отправлена 7 сентября 1914 г.
№ 2775.
Ш.
Д.
Л.
Шифров. Репнин.

По поводу ее государю императору благоугодно было собственноручно начертать:

„Всецело разделяю каждую мысль короля. Прошу графа Бенкендорфа категорически заверить его величество, что, несмотря ни на какие препятствия или потери, Россия будет бороться с ее противниками до конца“.

Последние два слова его императорским величеством подчеркнуты.

Сазонов.

1691 (кр. ч.).
1498 (ч. ч.).

VII.

Mr. Delcassé à Mr. Paléologue à Pétrograde.

Bordeaux, le 24 Septembre, № 123.

(красн. каранд.).

En chiffres.

Notre ambassadeur à Washington me fait savoir que l'Allemagne ne songe pas à la paix, mais continue en secret les pourparlers inofficiels avec le colonel House, un ami du président Wilson que ce dernier avait chargé l'an dernier d'une mission à Berlin pour la limitation des armements. Mr. House a dit à l'ambassadeur d'Angleterre qu'il serait utile que l'Angleterre fixât ses points de paix qu'il croyait être d'après les déclarations antérieures de l'Angleterre, satisfaction de la Belgique et des garanties contre le militarisme allemand. Il ajoutait que le c. Bernstorff serait prêt à causer avec l'ambassadeur anglais.

Sir C. Spring-Rice s'est contenté de répondre qu'une pareille entrevue ne pouvait se faire; que d'ailleurs les puissances de la Triple Entente ne concluraient pas de paix séparée.

Г. Делькассе г-ну Палеолог, послу в Петрограде. Бордо, 24 сентября, № 123.

Шифровано.

Наш посол в Вашингтоне дал мне знать, что Германия не думает о мире, но секретно продолжает неофициальные переговоры с полковником Хаузом, другом президента Вильсона, на которого в прошлом году была возложена миссия вести в Берлине переговоры об ограничении вооружений. М-р Хауз сказал английскому послу, что хорошо было бы, если бы Англия определила свои условия мира, которые, судя по прежним заявлениям Англии, должны заключаться в удовлетворении Бельгии и в установлении гарантий против германского милитаризма. М-р Хауз сказал, что граф Бернсторф готов переговорить с английским послом.

Сэр К. Сприн-Райс ограничился ответом, что свидание его с немецким послом невозможно, и что державы Тройственного Согласия не станут заключать сепаратного мира.

1574. 1575. 1576
VIII. 1388. 1389. 1390

Mr. Paléologue à Mr. Delcassé à Bordeaux.

Pétrograde, le 14 Septembre 1914, № 603.

En chiffres.

Secret.

Pour le ministre seul.

Pendant un entretien tout amical Mr. Sasonow a développé devant Sir G. Buchanan et moi ses idées non officielles sur la conduite que la Russie, l'Angleterre et la France devraient tenir si le succès actuel de leurs armées était couronné par une victoire décisive. „Nous devons,— nous a-t-il dit,— élaborer immédiatement un projet".

J'ai dit que selon moi les ministres des affaires étrangères de Russie, de France et d'Angleterre devraient encore se concerter entre eux trois pour fixer les bases générales de l'ordre nouveau à établir en Europe. Ils communiqueraient ces bases à leurs alliés secondaires — Belgique, Serbie, Monténegro. Ils les notifieraient ensuite collectivement à l'Allemagne et à l'Autriche. Le projet n'établirait que les bases pour fixer les conditions de paix et résoudre les difficultés.

Mr. Sasonow a de son côté approuvé cette manière de voir. Allant plus loin dans la voie des confidences Mr. Sasonow nous a communiqué à grands traits comment il conçoit les remaniements que les trois alliés auraient intérêt à opérer dans la carte et la constitution de l'Europe.

1. L'objet principal des trois alliés serait de briser la

puissance allemande et sa prétention de domination militaire et politique.

2. Les modifications territoriales doivent être déterminées par le principe des nationalités.

3. La Russie s'annexerait le cours inférieur du Nièman et la partie orientale de la Galicie. Elle annexerait au royaume de Pologne la Posnanie orientale, la Silésie $\frac{\quad}{1}$ *) et la partie occidentale de la Galicie.

4. La France reprendrait l'Alsace-Lorraine en y ajoutant à sa guise une partie de la Prusse rhénane et du Palatinat.

5. La Belgique obtiendrait dans $\frac{\quad}{2}$ un accroissement important de territoires.

6. Le Slewig-Holstein serait restitué au Danemark.

7. Le royaume de Hanovre serait restauré.

8. L'Autriche constituerait une monarchie tripartie, formée de l'empire d'Autriche, du royaume de Bohême et du royaume de Hongrie. L'empire d'Autriche comprendrait uniquement les „provinces héréditaires". Le royaume de Bohême comprendrait la Bohême actuelle et les Slovaques, la Moravie. Le royaume de Hongrie aurait à s'entendre avec la Roumanie au sujet de la Transylvanie.

9. La Serbie s'annexerait la Bosnie, la Herzégovine, la Dalmatie et le nord de l'Albanie.

10. La Bulgarie recevrait de la Serbie une compensation en Macédoine.

11. La Grèce s'annexerait le Sud de l'Albanie, à l'exception de Vallone, qui serait dévolue à l'Italie.

---

*) Одна не расшифрованная группа (слово).

12. L'Angleterre, la France et le Japon se partageraient les colonies allemandes.

13. L'Allemagne et l'Autriche payeraient une contribution de guerre.

Mr. Sasonow nous a instamment priés, Sir G. Buchanan et moi, de n'attribuer aucune importance officielle „à cette esquisse d'un tableau dont la trame n'est pas encore tissée". Mais quelques mots qu'il m'a glissés à part m'ont fait comprendre qu'il tient à nous mettre d'ores et déjà dans l'ordre de ses idées et qu'il attache plus de prix que jamais à être en étroit contact avec nous.

(Перевод см. выше, стр. 23).

IX. 1700. 1701. 1702. / 1507. 1508. 1509.

Mr. Paléologue à Mr. Delcassé à Bordeaux.

Petrograde, le 26 Septembre 1914.

En chiffres.

Secret.

Pour le ministre seul.

Le ministre de l'agriculture Mr. Krivocheine — qui par son autorité personelle et par la confiance dont il jouit auprès de l'Empereur, est le véritable président du conseil — est venu me voir hier pour m'exposer à titre privé ses vues sur les changements que les puissances de la Triple Entente devraient introduire dans l'ordre européen à l'issue de la guerre.

Je résume ci-après ses déclarations:

1. Les hostilités peuvent durer longtemps encore, mais il serait raisonnable d'admettre que pour des raisons étrangères à la stratégie elles puissent se terminer dans un délai plus court. Les gouvernements de la Triple Entente ne doivent pas se laisser surprendre par une demande de paix; ils ont intérêt à fixer sans trop tarder leurs intentions communes.

2. Sur les modifications à introduire dans la configuration de l'Europe Mr. Krivocheine n'avait fait que reproduire le programme prévu le 14 septembre par Mr. Sasonow.

3. Concernant les Détroits Mr. Krivocheine estime qu'ils doivent être libres; que les turcs doivent passer en Asie et que Constantinople doit devenir une ville neutre sous un régime analogue à celui de Tanger.

J'ai écouté Mr. Krivocheine sans formuler aucune opinion sauf sur la question de Constantinople. „C'est là,— lui ai-je dit, — une question qui soulevera de la part de l'Angleterre de fortes objections".

Mr. Krivocheine m'a demandé si j'avais quelques idées de vos intentions. Je lui ai répondu que je les ignore entièrement. A mon tour je lui ai demandé s'il avait eu l'occasion d'exposer ses idées à l'Empereur. „Oui, hier,— a-t-il repris,—mais je vous assure que ces idées me sont toutes personnelles".

Ce matin en présence de l'ambassadeur d'Angleterre j'ai rapporté à Mr. Sasonow mon entretien avec Mr. Krivocheine. Sir G. Buchanan s'est exprimé comme moi au sujet de Constantinople.

Mr. Sasonow nous a dit alors: „Sur le sort de Constantinople je ne suis pas entièrement d'accord avec

Mr. Krivocheine, mais je pense comme lui que lors de la paix nous devrons nous assurer une fois pour toutes le libre passage des Détroits".

D'un ton très ferme il a continue: „Les turcs doivent rester à Constantinople et aux environs. Quant à la liberté des Détroits elle nous doit être garantie et à trois conditions: 1, qu'aucune fortification ne puisse être érigée sur les flancs des Dardanelles, 2, qu'une comission assistée d'une force navale fasse la police dans les Dardanelles et la Mer de Marmara, 3, que la Russie ait à l'entreé intérieure du Bosphore — par exemple à Bouyoukdéré — une station de charbon.

Cette question est pour nous d'un intérêt vital. Impossible de plus en différer la solution".

Sir G. Bouchanan et moi avons eu l'impression qu'en nous parlant ainsi Mr. Sasonow ne nous confiait pas seulement un simple projet, mais une résolution.

X.

4348.

Albus 675.

Послу в Париже.

Мир.

(Ш. К.) Сюда также доходят слухи о возможной попытке Австрии заключить отдельный мир, но пока эти слухи еще весьма неопределенны, и их подтверждение представляется гадательным. Во всяком случае, почин подобных переговоров должен принадле-

жать Австрии, и нам необходимо будет выслушать ее предложения прежде, чем установить наши условия.

Сазонов.

Телеграмма отправлена
6-го декабря 1914 года
за № 4348.
Набор производили Поляков и Багговут.

XI. 2612./2398.

Mr. Dragoumis à Mr. Venizelos.
Pétrograd, le 4 janvier 1915.

En chiffres.

J'ai appris que le président du conseil s'était rendu au quartier général où se trouva aussi l'Empereur.

Le ministre de Serbie tient de l'état major que cette rencontre a eu pour but de discuter la question d'une paix séparée avec l'Autriche.

Les conditions du Gouvernement Russe seraient suivantes: la Galicie reviendrait à la Russie, la Bosnie à la Serbie, la Bohême recevrait l'autonomie.

D'autre part j'apprends que l'Allemagne et l'Autriche pour sauvegarder avant tout leurs propres territoires seraient disposées à reconnaître à la Russie le droit sur les Détroits. Le ministre de Serbie a reçu l'ordre de procéder à une démarche auprès du Gouvernement Russe en le priant de faire avancer ses troupes en Hongrie.

(Перевод см. выше, стр. 32).

XII.

25. 410. 403.

Секретная телеграмма посланника в Белграде 13/26 февраля 1915 г. № 201.

Личная. Продолжение № 200.

Хотя вопрос о проливах выходит из нынешней моей компетенции, однако, важность минуты и долголетний опыт на... побуждают меня представить на ваше усмотрение следующие соображения. Захват Константинополя и проливов для наших союзников представляется вопросом средства в общем плане военных операций. Разрешая вопрос морских сообщений, оказывая сильнейшее воздействие на Болгарию и на Румынию, занятие проливов может, несомненно, весьма способствовать скорейшему одолению наших общих противников, что для французов и англичан является конечною целью не только военною, но и политическою. Между тем, проливы для нас не только средство, но конечная цель, коею осмысливается вся нынешняя война и приносимые ей жертвы. Для меня борьба с Германией и Австрией и союз с Францией и Англией только средство для достижения этой народной цели. С этой точки зрения не может быть безразлично, мы или наши союзники завладеем проливами. Одно участие их с нами в (этом) деле является уже прискорбным, ибо создает им опасные для нас права в конечном разрешении вопроса. Завладение же проливами без нас было бы прямо па-

губно, и в этом случае Константинополь стал бы в будущем могилою нынешнего нашего союза. Между тем, не будучи посвящен в нынешнее положение, я все же сомневаюсь, возможно ли в настоящую минуту наше деятельное участие в занятии проливов. Если не ошибаюсь, с точки зрения военно-морской форсирование Босфора при данном соотношении морских сил наших и турецких является операцией трудно осуществимою. Не менее трудною представляется возможность десантной операции, по недостаточности как перевозочных средств, так и свободных войск. Впрочем, в этом последнем отношении положение, вероятно, изменилось, ибо, если у нас находятся войска для посылки в Сербию, значит, найдутся и для разрешения нашей важнейшей задачи; ибо едва ли можно рисковать посылкой в Сербию войск худшего качества, которые считались бы неприемлемыми против турок. В этом случае, однако, казалось бы, что наши войска крайне нежелательно употреблять в качестве лишь диверсии, способствующей англо-французскому движению на Константинополь. Наоборот, мы сами легче произвели бы десант в свое время, как только турецкие войска будут оттянуты нашими союзниками. Это было бы только справедливо,—ибо на западном фронте мы уже достаточно послужили оттягиванием на себя сил. Относительно конечного разрешения вопроса категорически должен вновь высказать глубокое убеждение, что только полный и всецелый контроль наш над (обоими) проливами может быть признан действительным разрешением задачи, допущение же участия на-

ших союзников в контроле над Дарданеллами, хотя бы под видом их нейтрализации, может послужить началом конца наших взаимных отношений и установить для нас (режим) менее обеспеченный, чем при слабых турках. Поэтому, если невозможно разрешить вопрос всецело в нашу пользу, то-есть присуждением нам границы Мидия—Энос, то наименее плохим из последующих решений было бы оставление на проливах Турции с установлением нашего военно-морского контроля на проливах. Это фактически привело бы Турцию к положению Бухары и в то же время оградило бы финансовые и экономические интересы союзников, не встречая, вероятно, непреодолимых препон в их общественном мнении. Во всяком случае, только исчерпывающий обмен мнений с ними теперь же способен предотвратить самые опасные осложнения в ближайшем будущем.—Все это позволяю себе высказать, исходя из предположения, что наши союзники решили довести дело до конца. В противном случае неудачная попытка десанта в Галлиполи может лишь укрепить нежелательное настроение нейтральных.

(Подпись) *Трубецкой.*

Arch. Pol. 20

XIII.

Mémorandum de l'Ambassade d'Angleterre à Pétrograd. En date du 27 Février / 12 Mars 1915.

His Majesty's Ambassador has been instructed to make the following observations with reference to the Aide-Mémoire which this Embassy had the honour of addressing to the Imperial Government on February 27/March 12, 1915.

The claim made by the Imperial Government in their Aide-Mémoire of February 19/March 4, 1915 considerably exceeds the desiderata which were foreshadowed by Mr. Sasonow as probable a few weeks ago. Before His Majesty's Government have had time to take into consideration what their own desiderata elsewhere would be in the final terms of peace, Russia is asking for a definite promise that her wishes shall be satisfied with regard to what is in fact the richest prize of the entire war. Sir Edward Grey accordingly hopes that Mr. Sasonow will realize that it is not in the power of His Majesty's Government to give a greater proof of friendship than that which is afforded by the terms of the above mentioned Aide-Mémoire. That document involves a complete reversal of the traditional policy of His Majesty's Government and is in direct opposition to the opinions and sentiment at one time universally held in England and which have still by no means died out. Sir Edward Grey therefore trusts that the Imperial Government will recognize that the recent general assu-

rances given to Mr. Sasonow have been most loyally and amply fulfilled. In presenting the Aide-Mémoire now, His Majesty's Government believe and hope that a lasting friendship between Russia and Great Britain will be assured as soon as the proposed settlement is realized.

From the British Aide-Mémoire it follows that the desiderata of His Majesty's Government, however important they may be to british interests in other parts of the world, will contain no condition which could impair Russia's control over the territories described in the Russian Aide-Mémoire of February 19/March 4, 1915.

In view of the fact that Constantinople will always remain a trade entrepot for South-Eastern Europe and Asia Minor, His Majesty's Government will ask that Russia shall, when she comes in the possession of it, arrange for a free port for goods in transit to and from non-russian territory. His Majesty's Government will also ask that there shall be commercial freedom for merchant ships passing through the straits, as Monsieur Sasonow has already promised.

Except in so far as the naval and military operations on which His Majesty's Government are now engaged in the Dardanelles may contribute to the common cause of the Allies, it is now clear that this operations, however successful, cannot be of any advantage to His Majesty's Government in the final terms of peace. Russia alone will, if the war is successful, gather the direct fruits of these operations. Russia should therefore, in the opinion of His Majesty's Government, not now put difficulties in the way of any power which may, on reasonable terms, offer to cooperate with the allies. The only power likely to par-

ticipate in the operations in the straits is Greece. Admiral Garden has asked the Admiralty to send him more destroyers, but they have none to spare. The assistance of a greek flotillia, if it could have been secured, would thus have been of inestimable value to His Majesty's Government.

To induce the neutral Balkan states to join the allies was one of the main objects which His Majesty's Government had in view when they undertook the operations in the Dardanelles. His Majesty's Government hope that Russia will spare no pains to calm the apprehensions of Bulgaria and Roumania as to Russia's possession of the straits and Constantinople being to their disadvantage. His Majesty's Government also hope that Russia will do everything in her power to render the cooperation of these two states an attractive prospect to them.

Sir E. Grey points out that it will obviously be necessary to take into consideration the whole question of the future interests of France and Great Britain in what is now Asiatic Turkey; and, in formulating the desiderata of His Majesty's Government with regard to the Ottoman Empire, he must consult the French as well as the Russian Government. As soon, however, as it becomes known that Russia is to have Constantinople at the conclusion of the war, Sir E. Grey will wish to state that, throughout the negociations, His Majesty's Government have stipulated that the Musulman Holy Places and Arabia shall under all circumstances remain under independent musulman dominion.

Sir E. Grey is as yet unable to make any definitive proposal on any point of the british desiderata; but one

of the points of the latter will be the revision of the persian portion of the Anglo-Russian Agreement of 1907 so as to recognize the present neutral sphere as a british sphere.

Until the allies are in a position to give to the Balkan states, and especially to Bulgaria and Roumania, some satisfactory assurance as to their prospects and general position with regard to the territories contiguous to their frontiers to the possession of which they are known to aspire; and until a more advanced stage of the agreement as to the french and british desiderata in the final peace terms is reached, sir E. Grey points out that it is most desirable that the understanding now arrived at between the Russian, French and British Governments should remain secret.

(Перевод см. выше, стр. 42).

XIV [1]).

Пол. Арх. 14.

Копия 403 спец.

Секретная телеграмма министра иностранных дел послу в Лондоне. 7 марта 1915 года, № 1265.

Ссылаясь на меморандум здешнего великобританского посольства 12 марта, благоволите высказать Грею глубокую признательность императорского правительства за полное и окончательное согласие Великобритании на разрешение вопроса о проливах и Константинополе согласно желаниям России. Импера-

[1]) Этот документ также был уже напечатан в издании „Раздел Азиатской Турции".

торское правительство вполне оценивает чувства великобританского правительства и уверено, что искреннее признание обоюдных интересов обеспечит навсегда прочную дружбу между Россией и Великобританией. Дав уже обещания касательно условий торговли в проливах и Константинополе, императорское правительство не видит препятствий к подтверждению своего согласия на установление: 1) свободы транзита через Константинополь товаров, не следующих из России, не идущих в Россию, а также 2) свободы прохода через проливы коммерческих судов.

Дабы облегчить предпринятый союзниками прорыв через Дарданеллы, императорское правительство готово способствовать привлечению к этому делу, на разумных началах, тех из государств, содействие коих представляется полезным Великобритании и Франции.

Императорское правительство вполне разделяет мнение великобританского правительства, что священные мусульманские места должны и впредь оставаться под независимым мусульманским владычеством. Желательно выяснить теперь же, имеется ли в виду оставить местности эти под властью Турции, с сохранением за султаном звания халифа, или же предполагается создать новые самостоятельные государства, так как лишь в связи с тем или другим положением императорское правительство в состоянии будет формулировать свои пожелания. Со своей стороны императорское правительство считало бы весьма желательным отделение халифата от Турции. Сво-

бода паломничества должна быть, конечно, вполне обеспечена.

Императорское правительство подтверждает свое согласие на включение в английскую сферу влияния нейтральной зоны Персии. При этом оно считает, однако, справедливым выговорить, чтобы районы городов Исфагани и Иезда, составляющие с последними одно неразрывное целое, были закреплены за Россиею в виду создавшихся там русских интересов.

Нейтральная зона ныне врезывается клином между русской и афганской границей и подходит к самой русской границе у Зульфагара. Поэтому придется часть этого клина присоединить к русской сфере влияния.

Существенную важность представляет для императорского правительства вопрос о железнодорожном строительстве в нейтральной зоне, каковой потребует дальнейшего дружественного обсуждения.

Императорское правительство рассчитывает впредь на признание за ним полной свободы действий в отмежеванной ему сфере влияния, с предоставлением ему, в частности, права преимущественного развития в этой сфере его финансовых и экономических начинаний.

Наконец, императорское правительство считает желательным одновременное разрешение вопросов в сопредельном с Россией северном Афганистане в смысле высказанных на этот счет императорским министерством пожеланий в предшествовавших в минувшем году переговорах.

(Подпись) *Сазонов.*

Институт Б. Д.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

Стр.

Предисловие 3

Царская Россия и война 5

Приложения 49

Цена **30** коп.